

18+

ТЕНИ
РЕС
ПУБ
ЛИ
КИ

РОМАН

МАРКА КЭПМФОРДА

Марк Кэмпфорд
Тени Республики

«Издательские решения»

Кэмпфорд М.

Тени Республики / М. Кэмпфорд — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-654588-5

В сердце Империи зреет заговор. В тених скрыта правда, способная изменить всё. Рим, 10 год до н. э. Время, когда ложь становится оружием, а верность долгу — роскошью. Бывший центурион Квинт Фламиний Сабин оказывается втянут в смертельно опасную игру, ставки в которой выше, чем он мог представить. Вместе с неожиданными союзниками он отправляется в путешествие, где за каждым углом таится предательство, а каждый шаг приближает их к истине, способной потрясти устои Рима.

ISBN 978-5-00-654588-5

© Кэмпфорд М.
© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Глава II	14
Глава III	36
Глава IV	51
Глава V	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Тени Республики

Марк Кэмпфорд

© Марк Кэмпфорд, 2025

ISBN 978-5-0065-4588-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Вечер определённо не задался. Кислый запах дешёвого вина тянулся длинными пальцами к желудку, выкручивая его, словно прачка, отжимающая тряпки от мутных вод Тибра.

Кости выбили короткую дробь, прыгнули пару раз на липком столе и замерли. Две точки подмигнули Квинту, как старые знакомые, пришедшие с плохими новостями.

Щербатый рот напротив ухмыльнулся, открыв взору центуриона – вернее, бывшего центуриона – ряд кривых, словно гребень субуррской шлюхи, зубов.

– Слышь, служивый, кажись, опять Фортуна тебе жирный зад показала.

Квинт бросил на стол горстку медных асов¹. Двудликий Янус, отчеканенный на аверсе, косо посмотрел на него, словно спрашивая: «Ты точно хочешь это продолжать?»

– Много болтаешь, – процедил Квинт, медленно разминая пальцы. – Если Фортуна и повернулась ко мне задом, то только чтобы я её в этот зад отымел.

Сомнительная шутка вызвала нестройный хор смешков за столом. Щербатый вновь загремел стаканом, встряхивая кости. Две шестерки. Но на этот раз Квинт следил не за костяными кубиками, а за почти незаметным движением руки, ловко их подменившим.

Молниеносным броском центурион схватил Щербатого за плечо, едва не столкнув того со скамьи.

– Думаешь, меня можно обмануть, падаль? Ты знаешь, что за такое делают в Четвёртом Македонском?

Щербатый рот замер, но ненадолго. Он попытался вывернуться, но хватка Квинта была словно железный обруч.

– Остынь, солдат, – прошипел мошенник. – Что-то не вижу я у тебя за спиной ни четвёртого легиона, ни третьего. Тут гражданка, и дела мы решаем по-другому.

– Хочешь, чтобы я тебе пальцы переломал? – тихо спросил Квинт, наклоняясь ближе. – Тогда я к твоим услугам.

Субурра² никогда не была местом спокойным, и сегодняшний вечер не был исключением. Луций прятался в углу трактира, следя за каждым движением главаря банды. У щербатого громилы на поясе висел мешочек, определённо стоивший того, чтобы ради него рискнуть. Но эти ребята имели дурную привычку отрубать руки по поводу и без, так что нужен был отвлекающий манёвр.

¹ Ас – основная бронзовая монета Древнего Рима, использовавшаяся в повседневных расчетах на протяжении нескольких веков. Первоначально ас чеканился из меди (aes), позже – из бронзы, а с середины I века до н. э. – из меди с пониженным содержанием металла.

² Субурра – один из самых бедных и густонаселённых районов древнего Рима, славившийся своими тавернами, борделями и преступными группировками.

«Отлично, легионер, – светловолосый подросток окинул взглядом массивную фигуру, которая поднималась за одним из столов. – Ты как раз вовремя».

Парень заметил, как солдат схватил Щербатого за плечо и ухмыльнулся. Похоже, этот здоровяк знает, как устроить хороший скандал.

– Думаешь, меня можно обмануть, падаль? Ты знаешь, что за такое делают в Четвёртом Македонском? – голос легионера был холоден, как сталь, и Луций понял, что это его шанс.

Толпа вокруг зашевелилась. Кто-то вскочил, опрокинув кружку. Один из бандитов бросился вперёд – и в его руке что-то сверкнуло. Квинт толкнул его в плечо, выбив оружие, но удар со спины швырнул его на пол. Всё вокруг звенело: кружки, крики и сама голова.

Квинт попытался подняться, но нападавшие набросились толпой, нанося удары со всех сторон.

Тем временем Луций, стоящий в углу, оценивал ситуацию. Громила с ножом, бандит с ухмылкой и ещё двое. Парень прищёлкнул языком. «Слишком много людей. Нужно уравнять шансы».

Луций подхватил глиняный кувшин с ближайшего стола. В толпе никто не обращал внимание на беспризорника в рваной тунике – и это его вполне устраивало. Он двинулся вдоль стены, стараясь оставаться в тени.

Когда один из бандитов навис над Квинтом, готовясь нанести удар, Луций метнул кувшин под ноги нападавшего. Глиняный сосуд разбился с грохотом, заливая пол багряным вином. Противник поскользнулся, едва удержав равновесие, и этого было достаточно: Квинт, воспользовавшись моментом, нанёс удар подбитой гвоздями калигой³ прямо в колено. Бандит с криком рухнул на пол, а Луций, наблюдая за хаосом из своей тени, лишь усмехнулся.

– Так-то лучше, – пробормотал он.

Пока Квинт вставал на ноги, Луций тихо подобрался к Щербатому сзади и, не привлекая внимания, ткнул его локтем в бок. Тот обернулся, но увидел только мелькнувший силуэт.

Квинт, не теряя времени, ударил противника прямо в подбородок, оросив пол дождём из кривых пожелтевших зубов. Щербатый рухнул назад, сбивая стол и опрокидывая кружки.

– *Гладий⁴ вверх, Сабин! Не блокируй, а наноси удар!* – голос инструктора отдаётся эхом на тренировочной площадке. *Ладонь, мокрая от пота, скользит по рукояти. Противник, старший легионер, двигается уверенно.*

– *Вспоминай, чему учили! Никаких лишних движений!* – снова крик.

Короткий, точный удар рукоятью гладия в незащищённый бок. И ещё один, и ещё. Хорошие удары. Правильные. Наконец-то.

³ Калига – стандартная военная обувь римских легионеров и центурионов. Представляла собой прочные сандалии, изготовленные из кожи с толстой подошвой, усиленной металлическими гвоздями, обеспечивавшими дополнительную прочность и сцепление с поверхностью.

⁴ Гладий (гладисус) – короткий меч, являвшийся основным оружием римских легионеров в период Республики и Империи.

Толпа вокруг зашумела: кто-то закричал, кто-то бросился к выходу, а Луций, оставшийся в тени, продолжал следить за ситуацией.

Его взгляд выхватил одного из бандитов, который выскользнул из дверей трактира. Тот двигался быстро и целенаправленно – явно за подмогой. Луций помрачнел.

– Эй, командир, – быстро прошептал он, подходя ближе к Квинту. – Скоро здесь станет слишком жарко. Надо уходить.

– Ещё рано, – отрезал Квинт, оборачиваясь к следующему противнику.

– Поздно, – возразил Луций, хватая его за руку. – Один из них уже побежал звать друзей. Хочешь положить всех в одиночку?

Парень быстро осмотрелся, оценивая, как можно отвлечь внимание. Его взгляд остановился на кувшине с оливковым маслом, стоящем на стойке рядом с очагом.

– Так, командир, – прошептал он, толкая Квинта в сторону задней двери. – Смотри и учись.

Он подхватил масло, сбросив со стойки пару тарелок, и бросил кувшин в огонь. Глиняный сосуд разлетелся вдребезги, пламя взметнулось, засыпая всё вокруг искрами и дымом.

– Горим!

– Ты что творишь, идиот?!

Толпа заволновалась: одни бросились тушить огонь, другие замерли в растерянности.

– Бегом! – Луций указал на низкую дверь, скрывавшуюся в углу трактира.

Бывший центурион неохотно последовал за парнем, который уже отбрасывал с дороги перевёрнутую скамью, мешавшую открыть дверь.

– Ты всегда так быстро убегаешь? – пробормотал Квинт, нагибаясь, чтобы пройти.

– Это не бегство, командир. Это тактическое отступление, – усмехнулся Луций.

Оказавшись в тёмном переулке, Квинт мгновенно оценил обстановку: вряд ли бандиты будут долго искать дверь, так что времени было мало.

Луций стоял у стены, привалившись к ней спиной, и переводил дыхание.

– Что ж, мальчишка, – легионер хрустнул костяшками пальцев. – Надеюсь из-за тебя не сгорит весь квартал.

– Ну, знаешь, я думал, ты скажешь спасибо.

Квинт фыркнул и промолчал, окидывая переулок оценивающим взглядом и просчитывая пути отхода, но Луций уже сделал шаг вперёд.

– Сюда, – коротко бросил он, оглядываясь. – Я знаю, как отсюда выбраться.

Легионер не стал спорить. Они двигались быстро и бесшумно, маневрируя в лабиринте переулков.

– Пришли? – Квинт, вслед за Луцием, остановился, когда они оказались в очередном тёмном проходе между двумя инсулами⁵.

– Тихо, – Луций приложил палец к губам, оглядываясь. – Нужно понять, нет ли хвоста.

– Ты, кажется, мастер тактических манёвров, – пробормотал Квинт, складывая руки на груди.

– Держу пари, в тактике я не хуже самого расфуфыренного трибуна этого твоего... Четвёртого Македонского? – усмехнулся оборванец, пристально вглядываясь в ночную темноту.

Квинт скривился – напоминание о его легионе больно полоснуло по сердцу.

– Думай, что говоришь, мальчишка. И если ты меня подставишь...

– Я? Подставляю? – Луций обернулся, широко разведя руки. – Командир, я тут единственный, кто знает, как вывезти нас из этой фуриевой задницы. Так что расслабься, ладно?

Квинт глубоко вдохнул то, что, откровенно говоря, было сложно назвать воздухом – густая смесь запахов гниющих отбросов, канализации и боги знают, чего ещё. На мгновение его сознание перенеслось в прошлое.

Походный лагерь: терпкий запах дыма, бесконечное небо, расчерченное линиями созвездий. Там каждый вдох был наполнен обещанием новых сражений и побед. А здесь... Здесь каждый порыв ветра приносил напоминание о бочках мочи в квартале кожевников, разрывая иллюзию и возвращая к грязной реальности Рима.

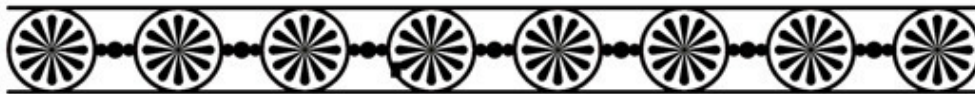
– Кто ты вообще такой?

– Луций. – Парень улыбнулся, будто это имя объясняло всё. – Просто Луций. А ты?

– Центу... – Квинт запнулся, проглотил слова и произнёс с вызовом: – Квинт Фламиний Сабин.

– Ладно, Квинт Фламиний Сабин. Пошли быстрее, осталось недалеко.

⁵ Инсула – многоквартирный дом в Древнем Риме, предназначенный для проживания представителей низшего и среднего классов. Инсулы представляли собой многоэтажные кирпичные или каменные здания с небольшими жилыми помещениями. Нижние этажи обычно занимали магазины и мастерские, а верхние этажи – жилые помещения, причём условия проживания ухудшались по мере подъёма вверх. Из-за плохого качества строительства и переполненности инсулы часто страдали от пожаров и обрушений, что делало их жильём с высоким уровнем риска.

Квинт тяжело привалился к стене, ощущая холод сырого камня через ткань туники. Убежище, выбранное парнем, было далеко от его представлений о безопасности: крошечная комната в подвале старой инсулы. Потолок низкий, так что даже невысокий Луций едва мог разогнуться. Обычно бедняки жили на самых высоких этажах, но этот склеп вряд ли вообще предназначался для жилья – скорее для хранения запасов пищи или вина, которых, впрочем, уже явно давно не водилось в этом районе.

Один выход – и он же вход: деревянная дверь, покосившаяся от времени, висела на ржавых петлях. В случае опасности это место было ловушкой. Ни окон, ни путей к отступлению.

Стены, покрытые плесенью, источали запах сырости, смешивающийся с затхлым воздухом подвала. В углу валялась куча тряпья – по крайней мере, Квинт очень надеялся, что это просто тряпки, без останков их бывшего обладателя.

Небольшая лампа на ящике у стены бросала тусклый, дрожащий свет, едва рассекая темноту комнаты. Пламя чадило, источая слабый запах горелого масла.

В другом углу стояли две перевёрнутые корзины, которые, надо полагать, использовались вместо скамьи. На полу в центре комнаты темнело пятно, в лучшем случае, старого вина. В общем, всё выглядело так, будто сама комната уже давно устала жить, и только милосердный пожар мог избавить её от жалкого существования.

– Вот мы и дома, командир, – Луций бросил взгляд на Квинта, – Не то чтобы роскошь, но тебя тут точно не найдут.

– Это ты называешь домом? – Квинт хмыкнул, осматривая убогую обстановку. – Ты уверен, что мы не подохнем от вони раньше, чем до нас доберутся?

– Лучше вонь, чем нож в живот, – отрезал Луций. Он плюхнулся на одну из корзин. – Ты, кажется, привык к другому. Легионерские палатки, костры, все дела. Центурионам моя скромная обитель, чай, не по чину, но уж чем богаты.

Квинт ничего не ответил. С сомнением покосившись на хлипкую корзину, он сел на пол напротив, вытянув ноги. Тишина заполнила комнату, нарушаемая лишь потрескиванием светильника.

– Так ты реально бессмертный? – вдруг спросил Луций, не поднимая головы.

– Что? – Квинт прищурился.

– Ну, только бессмертный или безмозглый решит связаться с Вепрями. Эти ребята, если ты не в курсе, поубивали больше людей, чем долбаный Юлий в Галлии. Дырок в башке у тебя вроде нет, значит мозги на месте – вот я и решил, что ты бессмертный. Методом исключения, – он с важным видом поднял палец, приосанившись.

– Я не знал, кто они, – пожал плечами Квинт. – Просто хотел поиграть в кости.

– А ты? – он наконец поднял голову. – Кто ты такой? Ты ведь не просто мальчишка, который оказался в нужное время в нужном месте.

– Как я уже сказал, – парень усмехнулся. – Просто Луций.

– Угу. И просто Луций знает каждый угол в Субурре. Что ты делал в трактире?

Луций наклонился вперёд, сложив руки на коленях. Его глаза блестели в тусклом свете, но улыбка исчезла.

– Дела, командир. И давай договоримся: ты меня не спрашиваешь, я тебе не вру.

Квинт неохотно кивнул, хотя этот ответ ему не понравился.

Луций откинулся обратно, вытягивая ноги.

– Но тебе повезло, что я там был.

Квинт закрыл глаза. Ему не хотелось продолжать разговор. Завтра придётся найти способ выйти из этого хаоса, а для этого нужны силы.

За стеной послышался крысиный писк, и оба замолчали, слушая, как звуки Субурры медленно угасают в ночи.

Квинт лежал на тряпье, подложив руку под голову. Слабый свет от чадившей лампы танцевал на сырой стене, рождая причудливые тени.

Он закрыл глаза, пытаясь отогнать ненужные мысли, но те, словно назойливые мухи, кружили в голове.

«Бывший центурион, – мысленно усмехнулся он. – Что ж, теперь я просто ещё один человек в толпе, бродящей по улицам Рима. Неужели всё, чем я был, исчезло так быстро?»

Он вспомнил последние дни службы: жаркий полуденный зной Македонии, тяжесть походных сумок, чувство причастности. Всё это казалось таким реальным тогда – настоящей жизнью. А теперь? Теперь он был никем. Выброшенной вещью.

Гнев вспыхнул на мгновение, но Квинт быстро подавил его. Нет, он уже не тот юнец, который рвётся мстить за каждую обиду.

«Как много было пафосных слов. „Мы защищаем Рим.“ Какой Рим? Этот?» Он открыл глаза и посмотрел на тёмный потолок. «Грязный, прогнивший до самого корня? Или тот Рим, который канул в Лету? Рим прошлого, созданный кровью и потом? Созданный для народа?»

Его мысли перескочили на Луция. Почему он ему помог? Что ему нужно?

Веки стали тяжёлыми. Где-то за стеной вновь запищали крысы, но Квинт этого уже не слышал. Его сознание плавно погружалось в сон, унося остатки тревог в темноту.

Луций лежал на куче тряпья, сформировав из неё что-то вроде гнезда. Он прикрыл глаза, но Сомн⁶ никак не желал насыпать на него свои чары. Всё, что произошло за вечер, казалось странной смесью удачи и нелепых случайностей.

Он таки украл кошель. Хороший, тяжёлый. Ещё утром это казалось главной задачей дня. Но этот легионер... Пока непонятно, к добру он объявился тут или к худу.

«Кто ты такой, солдат?» – подумал Луций, краем глаза наблюдая за неподвижной фигурой на другой стороне комнаты.

Квинт был не похож на тех, кого Луций встречал в своей жизни. Прямой, сильный, но с какой-то мрачной тенью в глубине темных глаз.

«Наверное, тебя выкинули, как и меня, – пронеслась несвойственная жизнерадостному обычно парню мысль. – Только у тебя, в отличие от меня, была хоть какая-то семья – твой легион. А теперь? Ты вроде как большой и важный, а в итоге валяешься в той же дыре, что и я».

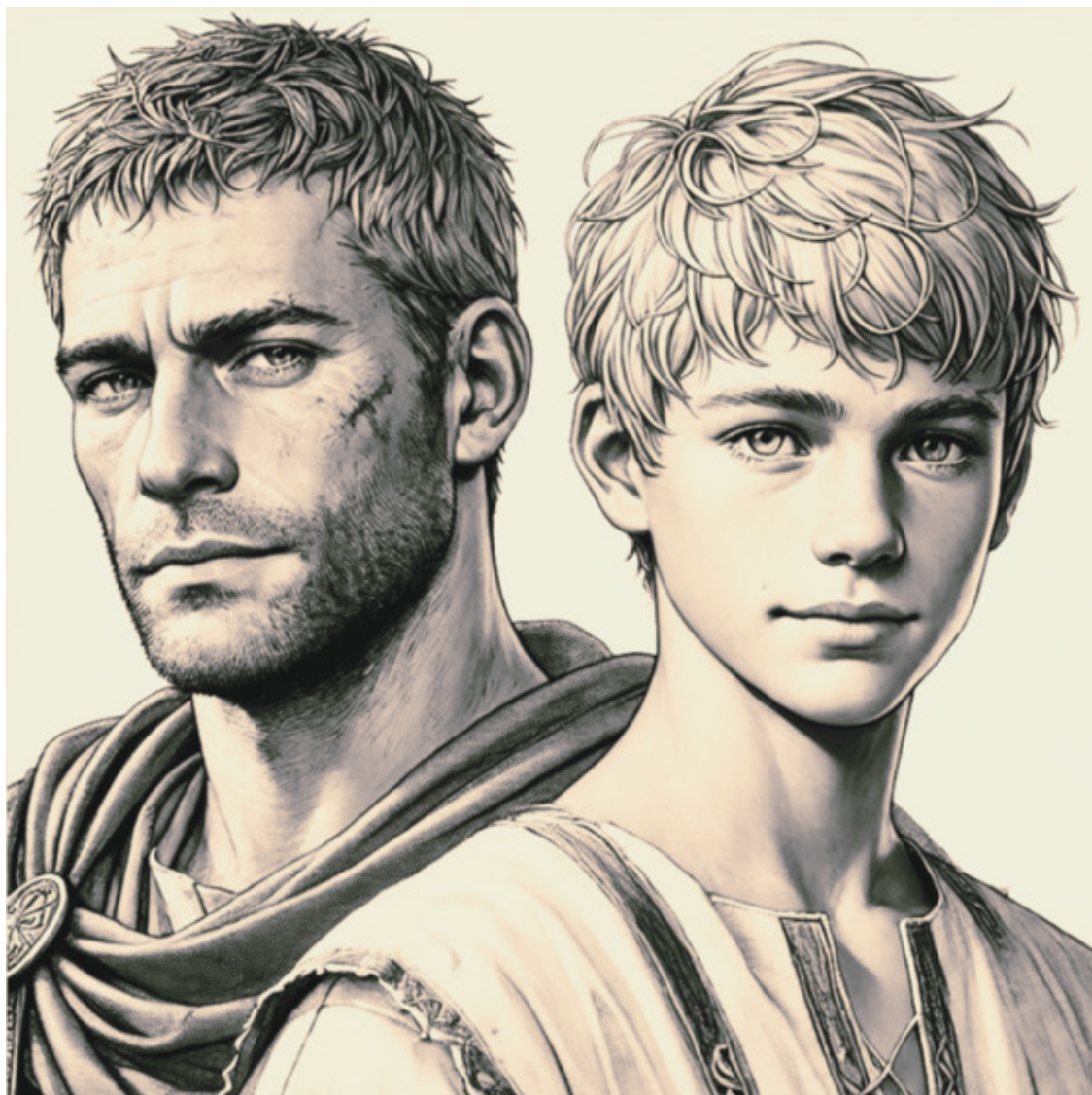
Мысль не приносила удовольствия. Луций всегда думал, что его жизнь – это цепочка случайностей, где каждый следующий день нужно вырывать у судьбы зубами. Но этот Квинт... Он, казалось, выбрал своё падение. Зачем?

Луций зевнул, укрываясь своим рваным плащом. В голове мелькнула ещё одна несвойственная ему мысль.

«Ты сильный, командир. Сильнее, чем я. Может, если я буду рядом с тобой, то однажды и сам стану сильным».

На этом он, наконец, позволил себе закрыть глаза. Крысиный писк за стеной звучал, как привычная колыбельная.

⁶ Сомн – в римской мифологии бог сна. Сомн являлся персонификацией покоя и забвения, способным убаюкивать людей и богов, даруя им отдых и спокойствие. Часто изображался как крылатый юноша с маковым венком или рогом, из которого он вливал сон в мир.

Глава II

Запах свежего хлеба заполнил комнату вместе с первым утренним светом, проникающим сквозь щели в стенах. Квинт открыл глаза, поморщившись. Источник аромата оказался совсем рядом: Луций сидел на своём импровизированном троне из перевёрнутой корзины, с удовольствием откусывая от ещё тёплой лепёшки.

– Проснулся, командир? – спросил он с набитым ртом и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Ты спишь так, будто тебе и вправду нечего бояться.

Квинт медленно сел, потянувшись, чтобы размять затёкшую спину.

– Ты где еду взял? – он кивнул на хлеб.

Луций улыбнулся, его глаза блеснули в тусклом свете.

– Ну, скажем так, я провёл разведку. И нашёл точку снабжения.

Квинт протянул руку, и парень без возражений отломил ему кусок лепёшки. Хлеб был мягким с хрустящей корочкой. Это не улучшило настроение, но по крайней мере слегка успокоило урчащий живот.

– Что теперь? – спросил Луций, облокотившись на стену. – Ты ведь не собираешься тут остаться, да?

Квинт внимательно посмотрел на него. Луций выглядел непринуждённо, но в его голосе чувствовалась настороженность.

– У меня есть комната, – наконец сказал Квинт, откусывая хлеб. – В другой части Субурры. Место не шикарное, но лучше, чем это...

– Откровенно говоря, даже тоннель в Клоаке лучше, чем это, – перебил его Луций, окинув взглядом заплесневелые стены.

Квинт проигнорировал замечание.

– Нужно проверить, что осталось от моих вещей. Если эти твои Вепри ещё не вычислили, где я живу, нужно забрать всё ценное.

– Ну, тогда я с тобой, – тут же отозвался Луций, с довольной ухмылкой. – И, кстати, никакие они не мои.

Квинт тяжело вздохнул и поднялся на ноги.

– Ты понимаешь, что если мы наткнёмся на них по дороге, всё это закончится очень плохо?

– Ну, – Луций задумчиво пожевал хлеб. – По крайней мере, мы будем сыты.

– Очень смешно.

– Конечно, командир. Если не смеяться, остаётся только бояться. А как только начинаешь бояться – недалеко и в ящик сыграть.

Квинт покачал головой и направился к двери.

– Пошли. И постарайся хотя бы минуту вести себя серьёзно.

– Да, центурион, – Луций картинно прижал руку к груди. – Веди нас, полководец.

Квинт коротко фыркнул, но ничего не ответил.

Когда они вышли за порог, Квинт инстинктивно поморщился. Ночная тьма, скрывавшая детали, уступила место безжалостному утреннему свету. Теперь переулок предстал во всей своей отвратительности.

На земле валялись остатки ужина какого-то пьянчуги, перемешанные с отбросами и осколками разбитого кувшина. На углу лежала мёртвая крыса, чей хвост лениво шевелился под порывами ветра, а посередине улицы тек ручеёк густой жижи, и происхождение её точно лучше было не выяснять.

– Прекрасно, просто прекрасно, – пробормотал Квинт, стараясь наступать только на сухие участки дороги. Он был солдатом до мозга костей, и грязью его было не смутить, но одно дело – война, а вот городская грязь... Он передёрнулся. Было в ней что-то безмерно отталкивающее.

– Добро пожаловать в Субурру, – усмехнулся Луций, ловко лавируя между грязными пятнами. – Знаешь, говорят, это место обладает своим шармом.

– И кто говорит? Крысы? – Квинт бросил взгляд на группу детей, копающихся в отбросах у соседнего дома.

Двигаясь вперёд, они старались держаться в тени, избегая ненужного внимания. Узкие переулки сменялись более широкими улицами, где уже кипела жизнь.

Луций словно рыба в воде двигался легко и непринуждённо, сливаясь с толпой. Квинт шёл за ним, глядя на лица окружающих и пытаясь уловить тень угрозы.

– Дальше будет получше, – сказал Луций, оборачиваясь.

И правда, через несколько кварталов грязь начала уступать место относительно чистым улицам, вымощенным неровной брусчаткой, а запахи помоек смешивались с ароматом жареного мяса и свежее испечённого хлеба.

– Видишь? – Луций махнул рукой туда, где несколько грязных детей сновали между лавками, громко смеясь и бросаясь друг в друга подгнившими овощами. – Говорил же, что у нас есть и приличные места.

– Если это приличное, то я даже не хочу знать, что ты называешь плохим, – хмуро заметил Квинт.

Луций рассмеялся.

– Да уж, тебя явно ждёт немало удивительных открытий.

Квинт промолчал, сосредоточив всё своё внимание на прохожих. До его скромного жилища оставалась буквально пара поворотов извилистой улочки.

Когда они свернули за угол, перед Квинтом открылся вид на четырёхэтажный дом, в котором он и снимал комнату. Здание выглядело не слишком впечатляюще даже в лучшие времена. На фоне остальных домов оно выделялось лишь меньшим количеством трещин на стенах и относительно свежей краской на дверях.

Луций слегка притормозил, инстинктивно чувствуя что-то неладное.

– Тише, – прошептал он, хватая Квинта за руку.

Квинт настороженно замер. Перед домом стояли двое мужчин, явно пытавшихся не привлекать к себе внимания. Один из них внимательно осматривал улицу, второй накиннул на голову капюшон, пытаясь скрыть лицо.

Через мгновение они развернулись и двинулись прочь, быстрым шагом.

– Твои друзья? – негромко спросил Луций, кивнув в сторону удаляющихся фигур.

– У меня нет здесь друзей, – тихо ответил Квинт, напрягая взгляд. – Но они вышли из моего дома.

Луций потянул его за угол, чтобы скрыться из виду.

– Давай дадим им уйти. Если это Вепри, там могут быть ещё люди.

Квинт крепче сжал рукоять гладия, спрятанного под плащом.

– Если это Вепри, получается, они знают, где я живу.

– Что-то подсказывает мне, что «если» тут совершенно лишнее, командир, – пробормотал Луций, осторожно выглядывая из-за угла. – Ладно, всё чисто.

Квинт отсчитал сто ударов сердца после того, как подозрительная пара скрылась за поворотом, и лишь затем они двинулись к инсуле.

Квинт поднялся по деревянным ступеням, стараясь не издавать лишних звуков. Изнутри здание выглядело получше, чем снаружи – конечно, не сияло чистотой, но по крайней мере ничем особенного не пахло, что после ночного пристанища было уже большим достижением. Луций следовал за ним, ступая почти бесшумно.

Когда они подошли к двери комнаты, Квинт остановился. Петли были перекошены, а дверь приоткрыта. Он почувствовал, как руки сами собой сжались в кулаки.

– Ну и зрелище, – пробормотал Луций, заглядывая через его плечо. – Твои соседи явно глуховаты, если тут до сих пор не собралась толпа зевак.

– Или слишком напуганы, чтобы вмешиваться, – тихо ответил Квинт, толкнув дверь ладонью.

Комната представляла собой абсолютный хаос. Перевернутая кровать, разорванная ткань, разбросанные вещи. Сундук как будто зевал, открывая взору пустой беззубый рот.

Луций присвистнул, обходя комнату, а Квинт подошёл к одному из углов и опустился на колени. Его руки быстро нашли нужную доску в полу, под которой обнаружился тайник.

Маленький кошель с монетами, свёрток с доспехами, несколько бумаг – всё осталось на месте.

– Повезло, – коротко заметил Луций, заглядывая через плечо. – Но вот тебе совет: в следующий раз прячь что-нибудь более ценное, чем этот хлам.

Квинт проигнорировал комментарий, проверяя содержимое.

– Забираем всё и уходим, – сказал он, поднимаясь. – Здесь оставаться нельзя.

– Согласен, – кивнул Луций, настороженно прислушиваясь к тишине за дверью. – И куда мы пойдём? – он пнул носком крепиды⁷ осколок кувшина, лежащий у дверей.

⁷ Крепида – вид обуви, распространённый в Древнем Риме, представляющий собой открытую сандалию с толстой кожаной подошвой и ремешками, которые фиксировали обувь на ноге.

– Не знаю, как у тебя, – Квинт подтянул плащ, – а у меня после этой ночи только одно желание: отправиться в термы⁸.

– Термы? – бровь Луция скептически приподнялась. – Чтобы сидеть в парилке и притворяться, что у нас всё под контролем?

– Нет, чтобы хотя бы раз за эти дни почувствовать себя человеком.

Луций только пожал плечами и пошёл следом.

Термы Агриппы возвышались над улицами Рима, как воплощение самого духа Империи: богатство, порядок, величие. Арка у входа сияла белым мрамором, словно одетая в праздничную тогу. За аркой открывался просторный внутренний двор, где серебряный фонтан пел свою песню, обнимая прохладой изнурённые тела посетителей. Вдоль стен, как стражники у ворот, выстроились лавки торговцев. Масла, ароматные смеси, мази – всё, что могло угодить даже самому прихотливому нобилю.

Квинт и Луций остановились у входа. Раб-бальнеатор, невысокий, с кожей, блестящей от масла, смерил их взглядом. Его взгляд скользнул по оборванной одежде Луция и задержался на внушительном Квинте, который протянул ему пару монет.

– Сюда, господа, – произнёс раб с механической улыбкой.

В аподитерии⁹, куда он их провёл, стены, украшенные мозаиками, рассказывали истории морских приключений: дельфины, резвящиеся в волнах, играющие с ними нимфы, и Нептун, наблюдающий за всем этим с вечным спокойствием морского царя. Пол здесь был тёплым благодаря гипокаусту, системе внутреннего обогрева пола и стен.

Квинт молча протянул рабу ещё одну монету, которую тот ловко спрятал в складках своей туники, и они оставили вещи – кроме кошель, который Квинт решил прихватить с собой. Осторожность – навык, отточенный годами службы и уроками судьбы.

Луций, словно любопытный турист, пытался охватить взглядом всё сразу.

– Это точно не для таких, как я, – пробормотал он, глядя на барельефы. Не то, чтобы он не любил чистоту, просто отдавать даже лишний квадранс¹⁰ было для парня непозволительной роскошью, да и времени на подобные удовольствия не хватало – тут бы выжить, а не в бассейнах раскисать.

– Заткнись и наслаждайся, пока есть возможность, – бросил центурион, направляясь в тепидарий¹¹, который встретил их тёплым воздухом. Здесь, среди колонн и прогретых стен,

⁸ Термы – крупные общественные бани в Древнем Риме, служившие не только местом для омовения, но и важным социальным и культурным центром.

⁹ Аподитерий – раздевалка в римских термах, представлявшая собой просторное помещение, где посетители снимали свою одежду перед принятием водных процедур. Аподитерий обычно располагался при входе в термы и содержал специальные ниши для хранения личных вещей.

¹⁰ Квадранс – самая мелкая бронзовая монета в денежной системе Древнего Рима. Название «квадранс» происходит от латинского слова quadrans, что означает «четверть», так как монета составляла четверть аса (основной бронзовой единицы Рима).

¹¹ Тепидарий – тёплая комната в римских термах, предназначенная для адаптации тела перед переходом в горячую (кальдарий) или холодную (фригидарий) зону. Температура в тепидарии поддерживалась на уровне комфортного тепла за счёт

посетители сидели на скамьях, негромко переговариваясь. Голоса их звучали размеренно и плавно, словно здесь время замедляло свой бег.

В айлептерии, зале для массажа, их встретил раб, чьи руки блестели, словно бронза от постоянной работы с маслами. Запахи кипариса, лаванды и цитрусовых разливались по комнате, унося с собой усталость и тревоги.

Квинт вытянулся на мраморной скамье, чувствуя, как тёплые руки бальнеатора¹² убирают последние остатки напряжения из плеч.

– Надо признать, такие места слишком уж расслабляют, – пробормотал Луций, сидя на мраморной скамейке у стены.

– Не привык расслабляться? – спросил Квинт, чуть повернув голову.

– А как тут привыкнуть? – хмыкнул Луций, оглядываясь по сторонам. – В таких местах я редко бываю. Не то чтобы денег не было, хотя и это, конечно, тоже... Просто, – он сделал паузу, – расслабляться некогда, командир. На улицах расслабишься – в следующий момент очнёшься без кошелька, а то и без головы.

Квинт задумчиво кивнул, наблюдая, как бальнеатор готовит масло с ароматом кипариса.

– Но ведь ты уже здесь, – тихо сказал он. – Так что расслабься хотя бы раз в жизни.

Луций усмехнулся и немного наклонился вперёд.

– А ты не боишься, что кто-нибудь из этих... – он обвёл рукой помещение, – решит, что твой кошель станет отличным началом их дня?

– Если решат, – произнёс Квинт с лёгкой угрозой в голосе, – то сильно об этом пожалеют.

Луций фыркнул, но больше ничего не сказал.

В кальдарии горячий пар обволакивал помещение, словно густой туман. Квинт погрузился в воду, наслаждаясь теплом. Луций устроился неподалёку, с интересом поглядывая на посетителей.

Их покой нарушил незнакомец, появившийся из клубов пара.

– Квинт Фламиний Сабин, – произнёс он негромко, но достаточно уверенно, чтобы привлечь внимание.

Квинт прищурился.

– Возможно. Смотря кто ты такой – и что тебе нужно.

Мужчина чуть наклонился вперёд, показывая давно знакомый Квинту перстень.

системы подогрева полов и стен (гипокауст), обеспечивающей равномерное распределение горячего воздуха.

¹² Бальнеатор – служитель или управляющий в термах, отвечающий за порядок, обслуживание посетителей и поддержание работы банных помещений. Бальнеаторы могли быть как свободными гражданами, так и рабами, и их обязанности варьировались в зависимости от размеров и статуса терм.

– Марк Атилий. От Гнея Сципиона.

Бывший центурион медленно кивнул, пристально глядя на незнакомца.

– Как ты нас нашёл? – спросил он, не поднимая голоса.

– Проследил за вами от дома, – коротко ответил Атилий. – Предположил, что ты будешь искать укромное место. Термы – отличный выбор.

Луций фыркнул, усмехнувшись.

– Вот видишь, командир? А ты расслабляться мне советовал.

– Тише, – бросил Квинт. Затем вновь обратился к Атилию. – Сципион хочет меня видеть?

– Да. И лучше с этим не затягивать.

Квинт медленно поднялся, стряхивая воду с рук.

– Где?

– На Бычьем Форуме, – Атилий бросил неуверенный взгляд на Луция и понизил голос. – На закате.

Квинт задумчиво провёл рукой по мокрым волосам.

– На закате, значит, – повторил он, глядя в сторону. – Хорошо.

Марк Атилий молча кивнул и, словно растворившись в паре, исчез так же бесшумно, как появился.

Луций, проводив его взглядом, присвистнул.

– Что за дела такие у тебя, командир? Выглядит так, будто тебя хочет видеть сам Юпитер. Или, – от понизил голос, – сам Принцепс.

– Лучше тебе не знать, – отрезал Квинт, бросив на него взгляд. – Ладно. Мне ещё нужно добраться до Форума, а прежде – убедиться, что меня не преследуют. Уж слишком легко меня нашёл этот Марк Атилий, – он погрузился обратно в воду с тяжёлым вздохом.

Минут десять они просидели в мрачном молчании. Луций то и дело нервно окидывал помещение взглядом, будто ожидая, что из облаков пара появится целая армия.

– Ну, командир, если мы продолжим так, то станем самыми чистыми людьми во всём Риме.

– Ты уж постарайся сохранить это достижение, – вылезая из воды бросил Квинт, поплотнее обматываясь льняной простынёй.

Квинт решительным шагом направился к выходу из кальдария:

– Собирайся, Луций. Время терять нельзя.

Беспризорник, всё ещё сидевший на краю бассейна, вытер капли воды с лица и нехотя поднялся.

– Никогда не думал, что скажу это, но мне начинает нравиться этот чистый образ жизни, – грустно заявил он, следуя за Квинтом.

– Запомни это чувство, – коротко бросил Квинт. – Вряд ли в скором времени тебе доведётся ощутить его вновь.

Они направились обратно в аподитерий, где раб уже приготовил их одежду. Квинт переоделся быстро и без лишних слов, проверяя, всё ли на месте. Луций, напротив, возился чуть дольше, то и дело поглядывая по сторонам.

– Думаешь, этот Атилий был один? – негромко спросил он, когда они покинули помещение и вышли на солнечный свет.

– Это не важно, – ответил Квинт. – Он для нас не угроза.

– А если он всё-таки не один? – Луций нагнал его, понизив голос. – А если это какая-то хитрая тактика Вепрей? А если они решили устроить засаду?

Квинт остановился, повернувшись к нему.

– Ты можешь не идти.

– И пропустить всё интересное? – Луций усмехнулся. – Не дождёшься. К тому же, ты мне должен.

Легионер рассеянно кивнул, думая о чём-то своём, и двинулся дальше.

Квинт и Луций быстро шагали, время от времени оглядываясь, чтобы убедиться, что их не преследуют. На пути к Форуму они миновали место, где раньше была Курия Помпея – та самая, где когда-то был убит сам Гай Юлий Цезарь. Теперь здесь, впрочем, возвели латрины¹³ – место не столь изысканное, но весьма полезное жителям Рима.

– Вот где кончаются великие планы, – пробормотал Луций, кивнув в сторону здания.

– Или только начинаются, – пожал плечами Квинт.

Далее их путь пролегал мимо площади, где возвышались храмы четырёх богов. Небольшие святилища, окружённые колоннами, стояли среди руин более старых построек. У подножия одной из колонн сидела старуха, раздавая хлеб голубям.

– Не похоже, что боги и вправду присматривают за этим местом, – заметил Луций, указывая на полуразрушенные стены.

Квинт не ответил, продолжая идти вперёд. Они шагали бок о бок, и звук их шагов глухим эхом отдавался среди каменных фасадов.

¹³ Латрины – общественные туалеты в Древнем Риме, являвшиеся важной частью городской инфраструктуры.

Храм Геркулеса встретил их каменной тишиной. Лев, накинутый на плечи статуи, будто предостерегал: в этот мир входят только сильнейшие. Дубина в руке героя казалась готовой обрушиться на любого, кто усомнится в его силе.

– Интересно, этот тоже спасал Рим от всяких Вепрей? – усмехнулся Луций.

– Не Рим, но насчёт вепрей ты не ошибся, – спокойно ответил Квинт, – Или ты не слышал легенду о двенадцати подвигах?

Луций усмехнулся, пряча руки в складках своей туники.

– Слышал, конечно. Только вот сомневаюсь, что всё было так, как рассказывают.

– Хочешь сказать, это боги – это выдумка? – Квинт бросил на него насмешливый взгляд, продолжая идти.

– Ну как сказать... – Луций пожал плечами. – Может, они и есть. Но я вот, например, ни разу не видел, чтобы какой-нибудь Юпитер вышел из облаков и принёс мне на ужин жареной свинины. А если так, то зачем он мне?

Квинт усмехнулся, качая головой, – Ты рассуждаешь, как ребёнок.

– Может, – Луций хитро прищурился. – Но ты ведь и сам, наверное, не молишься каждый вечер перед сном. Или я не прав?

– Я уважаю богов, – ответил Квинт серьёзным тоном. – А вот как часто я им молюсь – моё дело.

Луций фыркнул, но не стал продолжать спор. Он повернул голову, оглядываясь на величественный фасад храма.

– Что ж, если они и правда где-то есть, может, они тоже на нас смотрят. И смеются.

– Или учатся, – отрезал Квинт, ускоряя шаг.

– Учатся? Чему? – удивился Луций.

– Тому, как не потерять себя в этом хаосе, – бросил Квинт, не оборачиваясь.

– Уж больно сложно для меня, командир.

Солнце уже было в зените, и улицы Рима дышали полуденным зноем. Воздух дрожал над раскалённой мостовой, наполняя всё вокруг странной зыбкостью. Квинт и Луций шагали вдоль кирпичной стены старого склада, испещрённой матерными надписями и похабными картинками – своеобразная летопись Рима, сохранившаяся благодаря нежеланию владельца тратить на уборку или свежую краску.

– Были же таланты в своё время, – усмехнулся Луций, останавливаясь, чтобы разглядеть особенно изобретательную композицию. – Жаль, авторство осталось неизвестным.

– А ты что же у нас, стал ценителем искусства? – хмыкнул Квинт, не замедляя шага. – Похоже, термы на тебя положительно повлияли.

Луций поспешил за ним, уворачиваясь от грязной воды, которую вылили из окна какого-то дома. В нос ударил резкий запах перебродившего вина. Парень сморщил нос, прикрывая его рукой.

Где-то впереди, в глубине квартала, слышались крики разносчиков: кто-то предлагал свежий инжир, кто-то сушёные фиги из далёких краёв, а один настойчиво кричал о чудесной исцеляющей мази, способной поднять на ноги, судя по всему, даже мёртвых.

– Может мазь купишь? – с усмешкой предложил Луций, оглянувшись на Квинта. – Глядишь, перестанешь хмуриться.

– Насчёт мази не знаю, а вот вопли эти точно даже мёртвого поднимут, – сухо ответил легионер.

Они свернули на другую улицу, где дома стояли плотнее друг к другу, скрывая солнце. На углу сидел старик с облезлой бородой, играя на тростниковой флейте. Мелодия, скрипучая и монотонная, сливалась с окружающим шумом, но, похоже, старика это не смущало.

– Весёлое место, – Луций покрутил головой, замечая над входом в трактир вырезанную из дерева фигуру кабана. – Почти родное.

На следующем перекрёстке их взгляд привлёк храм Нептуна. Его мраморные колонны, несмотря на пятна грязи и копоты, всё ещё сохраняли величие. Над входом был выбит барельеф с изображением морских коней, рвущихся вперёд.

– Хотел бы я, чтобы это всё осталось навсегда, – неожиданно сказал Луций, глядя на храм.

– Ничто не остаётся навсегда, – ответил Квинт. – Даже храмы.

– Даже боги?

Квинт на секунду замер, а потом снова зашагал вперёд.

– Идём, нам некогда.

Луций шёл чуть впереди, осматриваясь. Его глаза, привыкшие замечать мельчайшие детали, уловили движение в одном из боковых переулков. Он остановился, но не успел предупредить: из тени вынырнули трое мужчин. Лица их были жёсткими, с хищными улыбками, а на туниках тускло поблёскивали пряжки в виде кабаньих голов.

– Ну что, служивый, – проговорил один из них, плотный мужчина с мясницким ножом, – не ожидал, что мы так быстро найдём тебя?

Квинт шагнул вперёд, заслонив Луция. Его взгляд скользнул по троице: плотный с ножом, высокий и худошавый с цепким взглядом и массивный громила, сжимающий в руках железный прут.

– Вы, видимо, ошиблись, – холодно ответил Квинт, медленно поднимая руки, будто сдаваясь, – Я вас не знаю, и у меня нет времени на болтовню.

– О, времени у тебя действительно не так много, – ухмыльнулся громила, сжимая прут сильнее. – Тут ты совершенно прав.

Плотный мужчина первым ринулся вперёд, занося меч. Но Квинт шагнул в сторону, ловко парировав удар так, что тот потерял равновесие и споткнулся. Гладий скользнул по руке бандита, оставив глубокий надрез и заставив его охнуть и выронить оружие.

– Один, – бросил Квинт.

Луций, подхватив камень с земли, метнул его в худощавого. Тот инстинктивно прикрылся, но не заметил, как мальчишка подскочил к нему и, схватив его за пояс, толкнул в сторону стены. Бандит зашипел, пытаясь схватить Луция, но тот увернулся, как уж.

Тем временем громила размахнулся своим железным прутом, целясь в голову Квинту. Тот присел, позволив удару пройти над собой, а затем с силой ткнул врага рукоятью гладия в солнечное сплетение. Потеряв на секунду способность дышать, он осел на землю, хватаясь за живот, и тут же получил следующий удар рукояткой в висок.

– Два, – спокойно сказал Квинт, оборачиваясь.

Луций, вернувшись к нему, тяжело дышал, но в его глазах читалось веселье.

– Третий где?

Ответ пришёл сам собой: последний бандит, издав хриплый крик, бросился в атаку с кинжалом. Но Луций, схватив с земли какую-то палку, выставил её вперёд, подсекая ноги противнику. Тот рухнул на землю, выпустив из рук кинжал, и получил хороший пинок под рёбра.

Квинт посмотрел на поверженного врага и затем на Луция.

– Три. Ты неплохо держишься для беспризорника.

– А ты неплохо для бывшего центуриона, – ухмыльнулся Луций. – Ну что, командир, идём дальше? Или ждём, пока они позовут ещё друзей?

Квинт кивнул, убирая гладий в ножны.

– Идём. Мы и так уже потратили на них слишком много времени. Кстати, звание самых чистых граждан Рима мы только что потеряли, – он расстроено цокнул языком, осмотрев порванную тунику, забрызганную грязью и кровью.

– Ладно, – сказал Луций, оглядываясь, – если вдруг следующая партия Вепрей появится, я возьму на себя самого маленького.

– Это разумно, – кивнул Квинт. – Но будь осторожен: иногда самые маленькие доставляют больше всего хлопот.

Они двинулись дальше по переулкам, стараясь держаться в тени. Солнце, наконец, начало клониться к закату, растягивая тени зданий на мостовой. Воздух, который днём был горячим и тяжёлым, постепенно становился прохладнее.

Квинт и Луций приближались к Бычьему Форуму. Здесь улицы становились шире, а лавки торговцев источали заманчивые ароматы свежего хлеба, оливок и пряностей.

Луций, отстав немного, принюхался и мечтательно произнёс:

– Может, перед этим твоим важным делом мы всё-таки остановимся на минутку? Ну, знаешь, подкрепимся...

– Ты знаешь, сколько положено в день легионеру на марше? – сдержанно усмехнулся Квинт, не замедляя шага.

– Эй, – возразил Луций, догоняя его, – Брось ты эти свои армейские порядки.

– Тебя никто не держит, – раздражённо обернулся легионер. – Если хочешь, можешь идти.

– О, нет, – с усмешкой ответил Луций, – ты без меня пропадёшь. Как ты собираешься отбиваться от Вепрей без моей гениальной тактики?

– Примерно так же, как отбивался до того, как ты свалился на мою голову, – отрезал Квинт.

– Ладно, – смиренно проговорил Луций, делая паузу в разговоре. – Но после этого мы всё равно поедим.

– Посмотрим, как ты себя проявишь.

Луций хмыкнул, но на этот раз промолчал, продолжая идти рядом.

Когда они вошли на Бычий Форум, Квинт остановился, его взгляд задержался на группе мужчин у одной из колонн. Их лица были как будто знакомы – такие он встречал в каждом лагере, в каждой битве. Это были люди, которые знали, как держать оружие, и знали, как убивать.

– Что-то не так? – спросил Луций, осторожно оглядываясь.

Квинт нахмурился.

– Ничего. Просто будь начеку.

Они медленно двинулись через площадь, лавируя среди толпы. У одной из лавок, где торговали, судя по всему, бараниной, они заметили человека с коротко остриженными волосами и строгим выражением лица – Марка Атилия.

Атилиий кивнул, приглашая их подойти. Квинт коротко кивнул в ответ и, убедившись, что Луций держится рядом, направился к нему.

– Вы не торопились, – произнёс Марк, сложив руки на груди.

– Но и не опоздали, – спокойно ответил Квинт. – Где легат?

Марк посмотрел на Квинта, затем его взгляд на мгновение задержался на Луции.

– Нам нужно поговорить. Но не здесь, – Он жестом указал на небольшую боковую улицу, уходящую в тень, и двинулся вперёд, не дожидаясь ответа.

– Прямо как ты, командир, – тихо заметил Луций, следуя за ним. – Не привык ждать.

Марк Атилий привёл их в узкий проход между двумя лавками, где шум площади слегка утихал, оставляя только приглушённый гул. Он остановился, обернулся к ним и вновь скрестил руки на груди.

– Попали в неприятности? – спросил он без лишних приветствий.

– Всё нормально, мы договорились, – сухо ответил Квинт, опираясь на стену.

– Гладий – не лучший дипломат, – заметил Атилий.

– Они сами напросились, – вмешался Луций, делая шаг вперёд.

Марк скользнул по нему холодным взглядом, затем перевёл взгляд обратно на Квинта.

– Сципион не смог прийти сюда... По важной причине. Он будет ждать тебя в полночь, – сказал он. – На своей вилле на Авентине.

– И зачем? – коротко спросил Квинт.

Марк задержал паузу, словно взвешивая, стоит ли говорить.

– Ты служил под его началом. Ты знаешь, что он никогда не просит о помощи просто так.

– Что ему нужно? – спросил Квинт.

– Это он сам тебе скажет. Но раз он выбрал тебя, значит, у него есть на то веская причина.

– Ну и драма, – тихо пробормотал Луций, закатывая глаза.

– Лучше замолчи, мальчишка, – холодно бросил Атилий. – Зачем ты вообще притащил с собой лишние уши?

Луций скривился, но сдержался. Квинт посмотрел на Марка, прищурившись.

– Что-нибудь ещё?

Марк задержал взгляд на Луции, затем коротко кивнул.

– Да. Сципион рассчитывает на твою преданность. Не подведи его. И не вздумай притащить за собой на хвосте местных головорезов.

Атилий развернулся и ушёл, оставив их в тени.

Луций присвистнул.

– Приятный человек. Это у вас в армии так принято?

Квинт медленно выпрямился, разминая плечи.

– Он не из армии. Гражданский.

– А кто этот твой Сципион? – спросил Луций, наклонив голову.

– Сципион был моим легатом¹⁴, – ответил Квинт, его голос стал мягче. – Легатом Четвёртого Македонского.

– Ага. И?

– И он был одним из немногих, кто знал, как вести людей, а не только отдавать приказы. Я многому у него научился.

– А теперь он кто? Важная шишка? – не унимался Луций.

Квинт бросил взгляд на сторону, куда ушёл Марк.

– Сенатор. Идём. Мне нужно подготовиться.

– Почему «мне»? Вообще-то «нам». – Луций скрестил руки на груди, в его голосе звучало легкое возмущение.

– Тебя я с собой не возьму. Во-первых, он тебя не знает. Во-вторых, нечего тебе делать на сенаторских виллах. Уж точно что-нибудь стащишь.

– Обижаешь, командир, – притворно вздохнул Луций, склонив голову набок. – Ты ведь сам видел, как я порядочен и скромн.

– Видел, как ты умыкнул кошель в трактире, – сухо ответил Квинт, продолжая идти, – Нет, ты никуда не пойдёшь. Если всё пройдёт гладко, я вернусь через пару часов.

Они остановились у небольшой лавки в переулке недалеко от Форума. Продавец, пожилой мужчина с острым взглядом, лениво разглядывал их.

– Нам нужны две туники, – коротко сказал Квинт, подавая несколько монет.

Продавец поднял брови, но, не задавая вопросов, вынул из груды тканей две туники – простую, светлую для Луция и более качественную, тёмного цвета для Квинта.

– Вот. Возьмите.

¹⁴ Легат – высокопоставленный офицер, назначаемый императором или сенатом для командования легионом.

Луций скептически оглядел свою обновку.
– Для визита к сенатору как-то простовато.

Квинт коротко кивнул, забрав ткани.
– Переодевайся.

Найти укромное место в переулке оказалось несложно. Квинт быстро натянул тунику поверх доспехов, придав себе вид порядочного гражданина.

– Надо же, командир, выглядишь почти прилично.

– А ты выглядишь так, как будто собираешься украсть чей-то ужин, – отрезал Квинт.

– Почему «как будто»? – усмехнулся Луций.

Квинт бросил на парня строгий взгляд.

– Слушай внимательно. Ты останешься в... вот в этом трактире, – он махнул рукой в конец переулка, где над одной из дверей висела вполне приличная вывеска с головой оленя, – Сиди там и не высовывайся. Если что-то пойдёт не так, беги.

– Да брось, командир, – Луций закатил глаза. – Ты серьёзно собираешься меня тут оставить?

– Серьёзнее некуда.

Луций вздохнул, но пожал плечами и не стал спорить.

– Ладно, ладно. Трактир так трактир. Хоть поужинаю.

Квинт шагал по тихим улочкам, поднимаясь по Авентинскому холму. Воздух здесь был гораздо чище, и на смену ароматам подворотни пришёл лёгкий свежий бриз.

«Сенатор, – мысленно повторил он. – Гней Сципион, легат Четвёртого Македонского, теперь один из тех, кто принимает решения, за кого нам теперь проливать кровь. Вернее, уже даже и не *нам*, а *им*...»

Квинт никогда не сомневался в благоразумии Сципиона. Но времена изменились. Мог ли тот человек, которого он уважал, остаться верным принципам, или Сенат уже прогнал до самого основания?

Легионеры привыкли к ясным приказам: иди, сражайся, побеждай. В жизни за пределами армии всё оказалось куда сложнее. Здесь каждый шаг – это риск.

Он огляделся, проверяя, не следит ли кто-нибудь за ним. Пустая улица казалась безопасной, но Квинт уже понял, что в Риме в каждой тени может скрываться враг.

Тем временем Луций держался на расстоянии, но не терял Квинта из виду. Он шёл так, будто был частью улицы: бесшумный, ловкий, невидимый для случайных прохожих.

«Оставить меня в трактире? Ага, держи кошель шире, – мысленно усмехнулся он, – Да, чем дальше, тем интереснее. Кто он вообще такой? И зачем ему этот Сципион? Вроде бы всё это не моё дело, но...»

Луций нахмурился, прячась в тени колонны.

«Но что мне ещё делать? Вернуться в Субурру? Опять жить одним днём, перебиваясь кражами и мелкими подработками? Там ведь ничего не изменится. А тут... Кто знает? Может, так я наконец-то увижу что-то большее, чем грязные улицы и голодные лица».

Он покачал головой, чувствуя, как в груди поднимается странное смешанное чувство – смесь любопытства, настороженности и чего-то ещё, чего он пока не мог определить.

«Ладно, Луций, ты ведь ничего не теряешь. Будь начеку и посмотри, куда всё это приведёт. Только не забывай: ты здесь сам за себя».

Квинт осторожно толкнул незаметную калитку, спрятавшуюся среди тёмной зелени апельсиновых деревьев. Скрип медных петель едва нарушил царившую тишину. Сад открылся перед ним, словно другой мир – мир, где суэта и грязь римских улиц не имели власти.

Кипарисы выстроились вдоль тропинок, как молчаливые стражи. Их узкие кроны тянулись к звёздному небу, а тени, падающие на белую гальку, создавали причудливый узор. Мраморные статуи богов выглядывали из зелени, их лица застыли в вечной задумчивости. Одна из них – Диана, с луком в руках, – словно высматривала нарушителей спокойствия.

Ароматы сада были почти осязаемыми. Горьковатый запах апельсиновых корок смешивался с нежным благоуханием жасмина. Лёгкий ветерок, шевеля траву, доносил до Квинта слабый аромат лаванды, вперемешку с терпкостью влажной земли.

Лунный свет поблёскивал на струях воды в фонтане, делая их похожими на серебряные нити. Мерное журчание напоминало мелодию, которую Квинт когда-то слышал в детстве – где-то далеко, в садах его юности, до того, как кровь и сталь стали его спутниками.

Он замер на мгновение, оценивая обстановку. В дальнем конце сада, где тишину не нарушал даже шум фонтана, он заметил фигуру, сидящую на мраморной скамье. Сципион. Его силуэт был неподвижен, будто выточен из того же мрамора, что и статуи. Квинт замедлил шаг.

– Сабин, ты понимаешь, что сделал? – голос спокойный и холодный, как снега на вершинах Альп. – Этот трибун – родственник Ливии.

Руки сами собой сжались в кулаки.

– Да, легат. Но я не мог молчать.

– Мог, фуриш тебя заведи! – резкий рывок, и вот Сципион уже меряет палатку шагами, как зверь, загнанный в клетку. – Твоя глупость будет стоить тебе карьеры. Или даже жизни.

Костяшки пальцев побелели, ногти впились в ладони, и по запястью поползла змейкой капля крови.

Шаги остановились, взгляд потеплел.

– Но я не позволю, чтобы твоя честность стала твоим концом. Я сделаю всё, что смогу.

– Ты не изменился, Сабин, – взгляд сенатора был тяжёлым и оценивающим, – Всё тот же уверенный шаг.

– Такие как я никогда не меняются, господин, – ответил Квинт, слегка поклонившись.

– Ты помнишь наш последний разговор? – Сципион жестом пригласил его сесть на мраморную скамью рядом с ним.

– Помню, – коротко ответил Квинт. – Тогда вы сказали, что Республика жива, пока есть те, кто готов её защищать.

– И я всё ещё верю в это, – тихо ответил Сципион. – Но времена изменились. Сабин, Рим гниёт. Как старая лодка, забытая в доках. Ты видишь это сам: коррупция, разврат, предательство.

Луций, укрывшийся за стеной сада, едва дышал, чтобы не выдать своего присутствия. Сад снаружи казался волшебным местом, отрезанным от грязной реальности. Кипарисы, стоящие по периметру, выглядели как стражи, охраняющие тайны этого пространства. Статуи – блестящие, словно только что вымытые, – были так изящны, что казались нереальными.

Запахи цветов и трав показались ему чересчур резкими. «Такие ароматы явно для каждого носа», – подумал он.

Всё здесь выглядело слишком аккуратно, слишком идеально. Луций чувствовал себя лишним, словно одна его тень могла испортить весь этот вычищенный до блеска мир.

«Республика? – подумал он. – Неужели это ещё кому-то важно?»

Он слышал каждое слово, и в его голове начинал складываться узор: политика, опасности, скрытые интриги.

«Этот старик явно играет в игру посерьёзнее того, что я видел на улицах. Интересно, какую роль в этом всё отведут командиру? И, главное, что с этим делать мне?»

Луций прижался спиной к холодному камню. Он уже был не уверен, что стоило в это ввязываться, но деваться было некуда.

– Мне нужен кто-то, кому я могу доверить задачу, важную для всех нас. Для Рима.

Квинт встретил его взгляд.

– Что за задача?

Сципион на мгновение замолчал, а затем произнёс:

– Тебе нужно найти... нечто очень важное, – сенатор, казалось, заколебался в последний момент, и выдержал слишком долгую паузу.

Луций, прижавшись к дереву, нахмурился. «Интересно... Что это за штука такая?»

Квинт выпрямился, его взгляд стал жёстче.

– Что именно я должен найти?

Сципион склонился вперёд, – Шкатулку, Фламиний. Шкатулку, которая принадлежала Бруту.

Квинт прищурился.

– Бруту? Марку Юнию Бруту? Убийце Юлия Цезаря?

Сципион кивнул.

– Именно. После его смерти она исчезла. Но у меня появились сведения, что она может быть в Македонии, у одного из ветеранов, служивших под его началом.

Квинт нахмурился.

– И что в ней?

Сципион отвёл взгляд, на мгновение замолчав, будто решая, стоит ли говорить.

– Завещание. Возможно, последнее, что он написал перед смертью.

– Завещание? – переспросил Квинт. – И чем оно может помочь Риму?

– Если то, что говорят, правда, – Сципион поднял глаза на Квинта, – в нём могут быть сведения, которые... изменят баланс сил.

Квинт нахмурился ещё сильнее.

– Вы хотите сказать, что я должен найти... компромат на Принцепса?

Сципион склонил голову.

– Не компромат. Правду.

Луций, укрывшийся в тени, не мог видеть выражения лица Квинта, но чувствовал, что он колеблется. «Надеюсь ты понимаешь, командир, что если ты откажешься – я бы и медного семиса не поставил на то, что ты доживёшь до утра. А вместе с тобой и я, конечно, если не успею вовремя смотать удочки».

– И почему я, господин? – наконец спросил Квинт.

Сципион выпрямился.

– Потому что я знаю тебя, Сабин. Ты не боишься правды. Ты умеешь доводить дела до конца. Ты долгое время служил в Македонии. А ещё... ты знаешь, как я отношусь к тому, что с тобой произошло. Ты этого не заслужил.

Сципион сделал паузу, позволяя словам осесть, словно пыль после битвы. Квинт смотрел на него, но не ответил. Лунный свет скользнул по его лицу, подчеркивая суровые линии.

Квинт провёл рукой по коротким волосам, чувствуя, как напряжение сжимает виски.

– Да, господин, – коротко бросил он. – Я сделаю это.

Сципион поднялся со скамьи, его лицо осветилось слабой улыбкой.

– Спасибо, Сабин. Отправляйся в порт Остии. Оттуда отплывёте в Диррахий. И вот ещё что... – сенатор протянул Квинту увесистый мешочек и свиток, – Тут все детали.

Квинт отсалютовал, резко развернулся и двинулся прочь из сада.

Луций, пригнувшись за густыми ветвями жасминового куста, тихо фыркнул, услышав пафосные слова сенатора.

«Возрождение Республики, – мысленно фыркнул он. – Да кого они пытаются обмануть? Этот старик хочет власть, и всё. Как и все остальные. Наверняка представляет себя с лавровым венком на голове».

Он внимательно наблюдал за Квинтом, который, казалось, всерьёз воспринимал сказанное.

«Командир, ты, конечно, хороший боец, но в таких делах ты просто слепой щенок. Они тебе лапши на уши навешают, а потом выбросят, как старую калигу. Я же прав? Конечно, прав».

Когда разговор закончился и Квинт направился к выходу, Луций тихой тенью отделился от стены и припустил окольной дорогой назад в трактир. «Посмотрим, что из этого выйдет. И кстати, кто с ним несправедливо поступил? Надо будет выяснить, что случилось».

Квинт шагал по пустынным улицам, чувствуя, как лёгкий ветер пробирается холодными пальцами под ткань туники. Город казался погружённым в сон, но центурион знал – Рим продолжает бодрствовать всегда, в его гигантском чреве и днём и ночью плетутся интриги, бурлит жизнь, рождаются и умирают мечты, надежды и люди.

«Почему я согласился?» – он стиснул зубы, взгляд его скользнул по тёмному переулку.

Ответ был слишком прост. Потому что это было единственным шансом снова стать кем-то. Не ещё одним бродягой, который еле сводит концы с концами, или вышибалой в каком-нибудь борделе, смыслом жизни которого станут вино и девки.

«Сципион знал, что я не откажусь. Он играл на моём упрямстве, на моей жажде доказать, что я ещё чего-то стою. Видит меня насквозь, как и всегда».

Квинт тяжело вздохнул. Но за этими мыслями была ещё одна, от которой невозможно было избавиться.

«А если всё это правда? Если есть шанс вернуть то, что мы потеряли? Республика. Обещание, что этот мир, этот Рим принадлежит всем, а не только избранным».

Он помнил, как говорил об этом своим солдатам в Иберии. Как вдохновлял их на битву. И как сам верил в это. Тогда он был частью чего-то большего. Был кем-то.

И это задание... Оно было шансом вернуться. Или хотя бы попытаться.

Трактир, в котором ждал мальчишка, показался впереди, свет из его окон мягко падал на булыжники улицы, как разлившееся оливковое масло. Квинт тряхнул головой и взял себя в руки. Толкнув скрипучую дверь трактира, он зашёл внутрь. В нос ударил аромат жареного мяса и свежего хлеба. Немногочисленные припозднившиеся гости сидели – или даже лежали – за столами, ведя неторопливые тихие беседы; в общем, этим вечером атмосфера была не в пример приятнее, чем предыдущим.

Луций сидел в дальнем углу за грубо сколоченным столом, подперев голову ладонью, и явно засыпал. Перед ним стояла почти пустая кружка, а на тарелке – жалкие остатки того, что, надо полагать, было его долгожданным ужином.

– Ну как, командир? – Луций поднял глаза, лукавая улыбка заиграла на его губах. – Поговорил со своими важными друзьями?

Квинт сел напротив, опуская на стол свой кошель, – Мы уходим завтра, – коротко бросил он.

– И куда направляемся? На банкет к Принцепсу? Или на встречу с наместником Египта? Я так понимаю, теперь мы вхожи в высшее общество?

– В Македонию, – спокойно ответил Квинт, откусывая от единственной нетронутой лепёшки.

– Македония... – Луций картинно почесал голову, – Путь неблизкий. Вот это поворот.

– Уж не ты ли хотел убраться подальше от Вепрей? – центурион поднял бровь, – Если честно, я даже сам себе не могу ответить на вопрос, какого чёрта я решил взять тебя с собой.

– Ты решил? Да это я решил прикрывать тебе спину, а ты ещё и недоволен, – Луций фыркнул.

– Прикрывать мою спину? – Квинт хмыкнул. – Скорее подставить её под очередной удар.

– Эй, это несправедливо, – оборванец закатил глаза. – Разве не я спас тебя от тех не слишком вежливых господ в Субурре?

– Ты спасал себя, а не меня, – отрезал Квинт, его глаза сузились.

– Так или иначе, мы теперь вместе, командир, – Луций развёл руками. – А значит, я в деле.

Квинт тяжело вздохнул и покачал головой.

– Если ты хоть раз выкинешь что-нибудь, я, не задумываясь от тебя избавлюсь, усёк?

– Да брось ты, – лицо Луция посерьёзнело, – Я умею быть полезным, когда хочу.

– Вот только мне кажется, что хочешь ты не часто, – заметил Квинт, вставая. – Завтра выходим рано. Если проспишь – уйду без тебя.

– Без меня ты вряд ли уйдёшь далеко, если ты ещё не понял.

Квинт остановился на мгновение у лестницы на второй этаж, оглянувшись.

– Продолжай повторять себе это почаще.

Луций задумчиво побарабанил пальцами по столу, проводив центуриона взглядом, и рассеянно вытащил из кошелька Щербатого сложенный лист пергамента.

На нём был список – семь имён, которые ничего ему не говорили. Он перевернул пергамент, надеясь найти подсказку, и его взгляд упал на то, что он поначалу принял за ещё одну монету. Изящный перстень, какой носят патриции, с инталией¹⁵ из чёрного оникса: волчица и солнечный диск.

Луций нахмурился, – Надо бы спросить командира, – пробормотал он, – Или... нет. Попробую разобраться сам.

Он снова сложил документ и спрятал его обратно в кошель вместе с перстнем.

– Завтра, – решил он, глядя на тени, которые плясали по стенам. – Или послезавтра. Или после-послезавтра... В общем, когда-нибудь я с этим разберусь.

¹⁵ Инталия – техника резьбы по драгоценным и полудрагоценным камням, при которой изображение или надпись углубляются в поверхность камня, в отличие от рельефной глиптики, где рисунок выступает над поверхностью. Инталии широко использовались в Древнем Риме в качестве личных печатей, украшений и амулетов.

Глава III

Солнце едва поднялось над Римом, и его свет золотым покрывалом ложился на крыши храмов и домов. Утренний ветер, терпкий и густой, словно старое вино, шелестел по улицам, наполняя их свежестью, которая скоро уступит место удушающему жару.

Остийская дорога уже кипела жизнью. Колёса повозок, скрипя, миллиметр за миллиметром углубляли колеи в булыжниках дороги; волы, лениво переставлявшие копыта, нехотя тянули груз нового дня. Голоса погонщиков соревновались в громкости с криками чаек, а те, в свою очередь, перекрикивали бляенье стада овец, бодро трусивших навстречу своей незавидной судьбе. Кто-то, везущий в Рим корзины с овощами, громко ругался на упрямого мула; пара стариков, идущих вдоль дороги, оживлённо обсуждала последние слухи. Торговцы с плетёными корзинами на плечах останавливались у каждой повозки, предлагая хлеб или воду, а дети бегали по обочине, уворачиваясь от колёс.

Квинт шёл размеренным армейским шагом, привычный к долгим переходам. Луций, плетясь чуть позади, лениво покручивал в пальцах травинку, сорванную на обочине.

– Много нас таких тут, – философски заметил он, оглядывая нескончаемый поток людей и повозок. – Все идут, спешат, а куда, зачем – непонятно.

Квинт лишь коротко бросил через плечо:

– Каждому свой путь.

Луций не сдавался, – Нравится мне эта дорога. Прямая, просторная. Не то, что узкие улочки Рима. Интересно, кто её проложил?

Квинт бросил на него короткий взгляд:

– Давно это было. Ещё до нас с тобой, даже до Цезаря. Остийская дорога – одна из первых. Она видела всех: и Ганнибала, и братьев Гракхов, и консулов, чьи имена уже никто не помнит.

– И ты думаешь, они тоже по ней ходили, как мы сейчас? – с интересом спросил Луций, пытаясь поравняться с центурионом.

Квинт усмехнулся.

– Уверен. Только вряд ли они задавали столько вопросов.

– А что, если кто-нибудь через сотню лет будет идти по этой дороге и думать, что тут шагали мы? – задумчиво протянул Луций.

– Мы? – хмыкнул Квинт. – Не думаю, что кому-то это будет интересно.

– Мне же вот интересно. Просто ты скучный, как глиняный горшок, вот и не интересуешься. – поддел его Луций, но, заметив, как бровь Квинта медленно поползла вверх, поспешил добавить, – Ладно-ладно, у тебя свои плюсы. Зато ты вон какой... Э... Здоровенный.

По обеим сторонам тянулись зелёные поля, кое-где перемежающиеся рощами оливковых деревьев. Вдалеке виднелись старые виллы, окружённые кипарисами. Вдоль дороги стояли

надгробия – немые свидетели прошедших веков. Здесь покоились и знать, и простые легионеры, купцы и ремесленники.

Луций, глядя на одну из статуй, прикрывающую голову рукой, вдруг спросил:

– А ты веришь, что они всё видят?

– Кто? – спросил Квинт, нахмурившись.

– Они, – Луций кивнул на надгробия. – Ну, мёртвые.

– Если и видят, то вряд ли интересуются нами. Как я уже сказал, мы мало кому интересны. И я бы предпочёл, чтобы так это и оставалось в будущем.

Парень фыркнул, но не стал спорить.

Солнце поднималось всё выше, и прохлада утра постепенно уступала полуденной жаре. Пыль, поднятая сотнями ног и колёс, оседала на лицах и одежде. Легкий ветер, дующий со стороны моря, иногда приносил прохладу, но он был слишком слаб, чтобы спасти путников от зноя.

– Командир, а ты вообще знаешь, где мы остановимся? – спросил он, отирая пот со лба.

– В Остии, – коротко ответил Квинт, не оборачиваясь.

– И далеко ещё? – Луций прикусил губу.

– Семь миль, – заметил Квинт, бросив взгляд на очередной миллиарий¹⁶ у дороги. – Если шагать без остановок, то к закату будем на месте.

– Без остановок? – в голосе Луция звучала мольба. – Командир, ты ведь понимаешь, что я не этот, как его, Мариев мул¹⁷, да?

– Если успеешь умереть по пути, я тебя похороню с почестями, – отозвался Квинт с сухой усмешкой.

¹⁶ Миллиарий – римская дорожная мильевая колонна или камень, устанавливаемые вдоль дорог для обозначения расстояний.

¹⁷ Мариев мул – прозвище, данное римским легионерам армии Гая Мария (157—86 гг. до н. э.), которые отличались суровой выносливостью и способностью нести значительный груз во время маршей.

Как и предсказывал Квинт, они были в Остии вместе с закатными лучами. Солнце опускалось к горизонту, а лёгкий бриз, дующий с моря, приносил запах солёной воды и рыбы.

Квинт и Луций остановились на небольшом холме перед городом. Отсюда открывался вид на гавань: ряды кораблей с высокими мачтами покачивались на волнах, на пирсах трудились носильщики, разгружая товары, привезённые со всех концов Империи.

– Ну, вот мы и на месте, – пробормотал Луций, глядя на город. – Надеюсь, тут есть что-нибудь получше чёрствого хлеба, который я по твоей милости жевал в обед.

Квинт бросил на него усталый взгляд.

– Хлеб – это последнее, о чём тебе стоит думать. Нам нужно найти корабль, который отплывает в Македонию. Завтра утром.

– Завтра утром? – Луций картинно закатил глаза. – А отдохнуть когда? Я, может, мечтаю о мягкой постели.

– Это с каких же пор ты стал думать о мягкой постели? – поднял бровь Квинт, начиная спускаться с холма. – Если мне не изменяет память, раньше тебе постелью служила куча вонючего тряпья в углу подвала.

– Я, видишь ли, за последние пару дней повращался в высшем обществе, – Луций ухмыльнулся, ловко перепрыгнув через выбоину на дороге. – И решил, что пора повышать планку.

Квинт бросил на него взгляд через плечо.

– Высшее общество, говоришь? Это ты про бандитов в переулках?

– Между прочим, я быстро выпитываю хорошее, командир. Не удивлюсь, если через год стану сенатором.

– Ну-ну, – сдержанно усмехнулся Квинт, продолжая спускаться. – Сначала попробуй дожить до следующей недели.

– Ты всегда так оптимистичен? Послушай, может мне действительно уготована великая судьба?

Квинт лишь покачал головой, но на лице его промелькнула тень улыбки.

Они шли по оживлённым улицам Остии мимо торговцев, громко рекламирующих свои товары. Здесь можно было найти всё: от амфор с вином до заморских пряностей. На углу площади стояла группа музыкантов, их флейты и тимпаны¹⁸ создавали ритм, под который кружились танцоры.

Луций бросил взгляд на танцующую девушку с цветами в волосах и умоляюще посмотрел на центуриона.

– Может, мы всё-таки можем позволить себе пару часов отдыха?

Квинт остановился и огляделся.

– Ладно, – сдался он. – Найдём тихое место, перекусим и обсудим план.

Они зашли в небольшую таверну неподалёку от порта. Внутри было шумно: матросы, купцы и путешественники сидели за длинными деревянными столами, обсуждая свои дела. Угрюмый хозяин махнул им рукой, указывая на свободный угол.

Квинт сел, заказав хлеб, сыр, мясо, гарум¹⁹ и кувшин разбавленного вина. Луций, не теряя времени, начал с аппетитом поглощать еду, изучая посетителей таверны и прислушиваясь к обрывкам разговоров.

– Завтра рано утром мы идём в порт, – сказал Квинт, прожевав изрядный кусок пережаренной баранины, сдобренной солончатой соусом. – Найдём капитана, который возьмёт нас на борт.

– Допустим – и только допустим, что нам удастся доплыть до Македонии, что дальше? – Луций прищурился, откусывая кусок сыра. – Ты знаешь, что делать там?

Квинт не торопился отвечать. Он лениво провёл рукой по краю кружки с вином, задумчиво глядя на тени, отбрасываемые трепещущим светом масляных ламп.

– У меня есть кое-какие зацепки, – наконец сказал он.

– «Кое-какие» звучит неубедительно, командир, – Луций поднял бровь. – Хотелось бы немного конкретики. Не люблю, знаешь ли, искать то, не знаю что, там, не знаю где.

– А, так ты у нас любишь придерживаться планов? – Квинт взглянул на него с лёгкой усмешкой. – Что-то мне казалось, что ты способен что-то планировать, в лучшем случае, на пару часов вперёд.

– Ну... зато эти два часа всегда насыщенные.

¹⁸ Тимпан – древний ударный музыкальный инструмент, представляющий собой рамный барабан (бубен). Тимпаны использовались в религиозных, военных и праздничных обрядах как в Древней Греции, так и в Древнем Риме.

¹⁹ Гарум – популярный в Древнем Риме ферментированный рыбный соус, который широко использовался в качестве приправы. Он изготавливался путём брожения рыбы (обычно анчоусов, скумбрии или тунца) с солью в течение нескольких месяцев. Готовый соус имел интенсивный солончатый вкус и считался деликатесом.

Квинт усмехнулся, возвращаясь к своей тарелке.

– Не волнуйся, – добавил он, не поднимая головы, – план есть. Сначала доберёмся до Македонии, разыщем в Скамписе человека, у которого должна быть наша вещица, и всего делов.

– О, какой продуманный план. Замечательно. Но всё равно кое-какие вопросы у меня есть. Например, что мы будем делать, если окажется, что нашу, как ты говоришь, вещицу, уже кто-то нашёл? Или если этот твой человек сыграл в ящик? Или если он решил, не знаю, переехать в Галлию, и его там сожрали дикари?

Квинт поднял глаза от тарелки, выдержав паузу.

– Во-первых, дикари в Галлии предпочитают козлятину. Во-вторых, мы будем искать другие следы. А в-третьих, Луций, – он наклонился ближе, понизив голос, – я в твоём лице вижу массу бесполезных талантов: болтовню, нытьё, а ещё невероятную способность меня доводить. Так что ложись спать, пока я не пересмотрел приоритеты и не скормил тебя галльским дикарям на завтрак.

Луций фыркнул, откинувшись на спинку стула.

– Ты же сказал, что они не едят людей!

Квинт устало покачал головой, вставая.

– Для тебя они сделают исключение.

День медленно просыпался, окрашивая в золотисто-розовые тона тихую воду гавани Остии. Квинт уже давно был на ногах. С моря дул свежий ветер, наполняя воздух запахом соли и водорослей. У причала, где тихо покачивались на волнах десятки судов, он разглядывал деревянный корпус греческого торгового судна с гордым именем «Ариадна». Корабль казался надёжным: высокий нос, обшивка из толстых дубовых досок, высокая мачта с гигантским парусом, сейчас надёжно собранным и прикреплённым к поперечной балке.

– Ну что, нашёл нам лодку? – раздался голос за спиной.

– Это не лодка, а онерария²⁰, – отрезал Квинт, не оборачиваясь. – Мы отплываем на «Ариадне». Она идёт в Диррахий с заходом в Брундизий. Хватит зевать, давай поднимайся на борт.

Луций скептически оглядел корабль, почесав в затылке.

– Надеюсь, эта твоя Ариадна не утонет. А то я плавать так и не научился.

Они направились к трапу, где их встретил капитан – грек грозного вида с морщинистым загорелым лицом. Его глаза, острые как у орла, скользнули по Луцию, прежде чем задержаться на Квинте.

– Ты легионер? – спросил он, оглядев его доспехи и гладий на боку.

– Бывший, – ответил Квинт. – Квинт Фламиний Сабин, а это вот – Луций. Мы договорились с твоим помощником насчёт места.

Капитан кивнул,

– Никандр. Добро пожаловать на «Ариадну». Путь будет не из лёгких. Ветра сейчас непостоянны. Море не бывает милосердным. Не вздумайте путаться под ногами. Или выкину за борт, – его голос, глубокий и хриплый, словно скрип дубовых палубных досок, звучал сдержанно, но весомо.

Луций, поднимаясь по трапу, обвёл взглядом корабль, который напоминал ему гигантскую деревянную птицу, готовую взметнуться над волнами.

– Да уж, этого Никандра лучше не злить, – пробормотал он.

Квинт, проверяя крепление доспехов, усмехнулся.

– Просто делай, что говорят, и не мешай. И, ради богов, не связывайся с матросами. У них свои порядки.

«Ариадна» медленно покачивалась у пристани, словно раздумывая, стоит ли бросать Остию ради беспокойных вод. Команды капитана звучали, словно удары молота: Никандр стоял у штурвала, матросы слаженно тянули канаты, разворачивая паруса.

Квинт стоял у борта, внимательно наблюдая за происходящим. Луций, шатаясь от непривычного покачивания, судорожно вцепился в борт.

С тихим скрипом «Ариадна» отошла от пристани.

– Сколько нам плыть? – спросил Луций, стараясь сохранять равновесие.

– Около семи дней, – ответил легионер, прикидывая маршрут в голове. – Если ветра будут благоприятными.

– Семь дней? – Луций округлил глаза. – Это если нас не потопит шторм, не выкинет за борт этот бородатый монстр или, не дай боги, не сожрёт морское чудовище.

Квинт фыркнул, прикрывая глаза от солнечных бликов.

²⁰ Онерария – римское грузовое судно, предназначенное для транспортировки товаров, войск и припасов по морским и речным путям.

– Морское чудовище? Знаешь, я бы даже не удивился, если бы тебе удалось его разозлить.

Море искрилось под яркими лучами солнца, будто покрытое тысячей бриллиантов. Густой запах соли смешивался с ароматом смолы, которой были пропитаны доски «Ариадны». Корабль мягко покачивался на волнах, но Луцию казалось, что он попал в центр шторма.

– Командир, – простонал он, сидя у борта и пытаясь удержать взгляд на горизонте, – Объясни мне, как люди вообще выживают на этих плавучих гробах?

– Это ты ещё не видел, настоящего моря, – ответил он, глядя вдаль. – Когда ярость Посейдона поднимает волны до самого неба, а корабль швыряет из стороны в сторону, как щепку.

– Ты хочешь сказать, ты уже плавал? – Луций прищурился, пытаясь сосредоточиться на словах.

– Триремы, когортные транспорты. Египет, Иберия, Македония. По сравнению с этим, «Ариадна» – роскошь.

– Роскошь? – Луций снова схватился за борт, и его лицо стало ещё бледнее. – Ты издеваешься?

Квинт усмехнулся.

– Расслабься. Пройдёт пару дней, привыкнешь.

Луций бросил на него угрюмый взгляд.

– Если доживу.

Квинт, решив оставить Луция наедине с его страданиями, отошёл к носу корабля. Глубоко вдохнув, он прикрыл глаза, позволив воспоминаниям нахлынуть, словно морским волнам. Египет. Знойное солнце, запах пустыни, и стройные ряды легионеров, стоящих на раскалённой земле. Тогда он был ещё юнцом, в первый раз ступившим на землю, казавшуюся другим миром.

Вспомнил Иберию. Суровые зимы в горах и иссушающий летний зной. Там он впервые почувствовал тяжесть ответственности, когда ему, едва назначенному центурионом, пришлось вывести свою когарту из засады, устроенной местными племенами. Он тогда чудом не потерял ни одного человека – и заработал уродливый шрам, тянувшийся от плеча до самого запястья.

Македония. Каменистые дороги, угрюмые лица жителей, и тот день, который перевернул его судьбу. Он знал, что правда была на его стороне, но правда мало что значила против знатной родни Ливии. Квинт сжал кулаки и открыл глаза.

«Теперь всё изменится, – подумал он. – У меня есть цель. И пусть я не знаю, куда она приведёт, но, по крайней мере, я снова иду вперёд».

Где-то позади снова раздалась стона Луция, и Квинт невольно усмехнулся.

«Может, из этого паренька ещё что-то получится. Если, как он справедливо отметил, доживёт».

Он украдкой взглянул на подростка, стоящего у борта, и вздохнул. Когда они впервые встретились в Субурре, Квинт не собирался обременять себя мальчишкой, но что-то в этом бесшабашном уличном оборванце напомнило ему о прошлом, которое уже не вернуть. Луций был слаб, неуклюж, но в его глазах горел тот же огонь, что и у новобранцев, которым приходилось пробираться сквозь грязь, кровь и сомнения.

Квинт понимал, что мир не щадит таких, как Луций. Если он бросит парня, того ждёт весьма короткая и, скорее всего, несчастливая жизнь. Но Квинт видел в нём что-то большее, чем просто беспризорника – способность учиться, цепкость, смекалку. И, наверное, не только прошлое, но и будущее.

Второй день плавания прошёл на удивление спокойно. Небо, чистое, как гладко отполированный мрамор, уже окуталось вечерней дымкой. Ветра были благосклонны, и «Ариадна» уверенно скользила по волнам, оставляя за собой пенящийся след. Квинт и Луций сидели у борта, наблюдая за командой, которая, привыкнув к присутствию пассажиров, больше не обращала на них внимания.

Луций, почти оправившийся от морской болезни, с интересом наблюдал, как матросы поднимали и закрепляли паруса.

– А ты бы справился с управлением? – спросил он, глядя, как команды слаженно работали вместе. – Ты ж вроде как немало плавал.

– Легионеры не занимаются такими делами, – ответил Квинт, сдвинув брови. Его глаза выхватили на горизонте какую-то точку.

Луций заметил это.

– Что-то не так?

– Парус, – Квинт не ответил сразу, продолжая пристально смотреть вдаль.

Луций, резко выпрямившись, тоже взглянул туда, куда показывал Квинт. На горизонте действительно виднелось что-то, что, кажется, двигалось в их направлении и увеличивалось с каждой минутой.

– Это плохо? – спросил Луций, ощущая, как сердце начало биться быстрее.

Квинт пожал плечами и медленно поднялся.

– Пока не знаю.

Он направился к капитану, который уже стоял у штурвала, внимательно наблюдая за приближающимся кораблём.

– Никандр, – начал Квинт, подходя ближе. – У нас есть причины для беспокойства?

Капитан раздражённо вздохнул, но ответил.

– Этот корабль слишком быстро идёт для торгового. И курс у них явно не случайный. Они идут прямо на нас.

– Я думал, Помпей Великий разобрался с этой болезнью полвека назад. Что ты планируешь делать? – спросил Квинт, оглядывая «Ариадну». Медлительное торговое судно было явно не приспособлено для битвы, а матросы вряд ли годились на что-то посерьёзнее уличной драки.

– Если будем сражаться, нас всех перебьют, – холодно сказал Никандр. – Мы не военный корабль. Лучший шанс – попытаться уйти.

Квинт с сомнением покосился на быстро приближающийся корабль и пожав плечами, достал доспехи из походного мешка. – Лучше быть готовым, если нам выпадет худший расклад.

Никандр кивнул и сразу начал отдавать приказы:

– Поднять паруса! Все, что есть! Весла на воду, кто не на веслах – готовьтесь к обороне!

Матросы застучали подбитыми гвоздями калигами по палубе, выполняя команды. «Ариадна» расправила паруса и со скрипом начала ускоряться.

Луций, стоя у борта и вцепившись в него руками, шёпотом выдавил:

– А мне ведь уже почти начинала нравиться эта посудина.

Квинт, напрягая глаза, продолжал следить за движением пиратского судна. Чужой парус неумолимо и угрожающе приближался. Пиратский корабль был явно легче, а команда действовала слаженнее.

– Они нас догонят, – наконец сказал Квинт, оборачиваясь к Никандру. – Скорости не хватит. Надо готовиться к обороне.

Он повернулся к команде, собравшейся вокруг.

– Слушайте сюда! Если хотите выжить – делайте, что я скажу. Канаты с крючьями – к бортам. Подготовьте всё тяжелое, что можно швырять во врагов. Водой наполнить бочки и поставить к борту – тушить огонь. Они вряд ли захотят нас сходу поджечь, чтобы не лишиться

добычи, но всякое может случиться. Масло – готовить для поджога, но держите подальше от парусов, а то сами себя спалим, и этим ублюдкам ничего не придётся делать!

Никандр кивнул, и матросы начали действовать.

Квинт бросил взгляд на Луция.

– А ты не суйся на рожон. Если всё пойдёт плохо, помни: прыгай в воду.

– Я же говорил, я не умею плавать!

– Тогда... Тогда надейся, что всё не пойдёт плохо. И найди себе какое-нибудь оружие.

Квинт быстро оценил ситуацию. Тридцать человек на борту «Ариадны», включая его и Луция, против двух десятков пиратов. Перевес в численности была на их стороне, но пираты были вооружены лучше, их корабль был маневреннее, да и они явно были лучшими бойцами, чем матросы торгового судна.

– Тридцать на двадцать, – пробормотал Квинт, склонив голову к Никандру. – Но один их боец наверняка стоит наших двоих.

– У этих сволочей есть луки, – бросил Никандр, указывая на приближающийся корабль. – Они начнут стрелять, как только подойдут ближе.

Квинт бросил взгляд на деревянные борта судна, – Укройтесь во время обстрела.

Матросы засуетились, а Квинт подхватил крышку от бочки, и поднял её, как импровизированный щит.

– Не вздумай высунуться, – сказал он, повернувшись к Луцию, который стоял с багром в руках. – Жди момента.

– Какого ещё момента? – пробурчал Луций, но послушно скрылся за ящиком.

Корабль пиратов приблизился на расстояние пятидесяти шагов. Первые стрелы вонзились в палубу «Ариадны». Квинт выглянул из-за крышки, из которой уже торчало несколько стрел. Один из матросов вскрикнул и упал, схватившись за бедро, из которого торчало древко стрелы, прошившей мягкие ткани почти насквозь.

– Прикройте его! – рявкнул Квинт на ближайших матросов, и те, прикрываясь по его примеру какими-то деревяшками, поспешно утащили стонущего бедолагу на дальний конец палубы.

– Они готовятся к абордажу! – крикнул кто-то с кормы.

Квинт бросил взгляд на приближающийся корабль. Небольшие суда, такие как это, использовались для быстрых нападений, а не для долгих сражений. Пираты явно рассчитывали на скорость и внезапность.

– Луций! – рявкнул он, не отрывая глаз от пиратов. – Где ты там прячешься?

– Тут я, командир! – голос Луция раздался из-за перевёрнутого ящика. – Просто проверю, насколько надёжно моя укрытие.

– Прекрати валять дурака! – Квинт оскалился, перекрывая очередной звук стрел, впивающихся в дерево. – Ищи, чем отогнать этих ублюдков!

Луций показался из укрытия, быстро осматривая палубу. Его взгляд упал на глиняный кувшин с маслом, стоящий у борта. Встряхнув содержимое, он быстро оторвал кусок своей туники, плеснул на него масла, заткнул кувшин и, подпалив тряпицу, метнул кувшин в сторону пиратского корабля.

Кувшин с глухим звуком ударился о палубу пиратского судна, разливая горящее масло. Саму палубу пираты заблаговременно облили водой, но вот одному из бойцов, поскользнувшемуся и упавшему прямо в огонь, не так повезло. Он взвыл и принялся кататься по палубе, пытаясь потушить пламя, но случайно наткнулся на кусок парусины и устроил приличный пожар.

– Удача! – обрадованно закричал Луций, прыгая на месте. – Командир, ты это видел?

– Видел, – пробормотал Квинт, оборачиваясь к остальным. – Но расслабляться рано. Они всё равно пойдут на абордаж.

Он указал на матросов.

– Все на свои места! Готовьтесь к встрече!

Матросы засуетились, торопливо исполняя команды Квинта. Кто-то прикидывал вес багра, намереваясь использовать его в качестве копья, а кто-то распутывал сеть, готовясь, словно ретиарий²¹ на арене, бросать её во врагов. Никандр, тяжело дыша, выглянул из-за борта.

– Эти ублюдки не отступят, – прохрипел он, – Готовьтесь к худшему.

– Худшее уже началось, – хмыкнул Квинт, поднимая гладий. Его голос прорезал общий шум, – Держитесь ближе друг к другу!

Море сверкает, словно огромная чаша, наполненная расплавленным золотом.

– Вон они! – крик клинком разрубает тишину. Вражеский флот заслоняет лишнюю горизонт, словно стая саранчи.

– Готовьтесь к бою! – центурион в доспехах блестящих, как зеркало, шагает по палубе, раздавая команды.

Сердце колотится в груди. Страх накатывает волнами, захлёстывая, унося в пучину безумия. Зубы сжимаются – только бы никто не заметил слабости.

...Сабин, пригнись! – громкий крик толкает вперёд, и гигантский бульжник влетает в мачту. Палуба под ногами багровеет от крови. Каждый удар – на выживание. Каждое движение – ради Рима.

²¹ Ретиарий – один из типов гладиаторов в Древнем Риме. Ретиари сражались с противниками, полагаясь на скорость, ловкость и умение использовать своё нестандартное вооружение, состоявшее из сетки, трезубца и кинжала.

На палубу «Ариадны» уже начали падать крючья с пиратских канатов. Пираты, не дожидаясь остановки судов, прыгали с одного борта на другой, размахивая оружием.

Квинт оказался лицом к лицу с первым нападающим – коренастым бородачом с топором в руках. Тот зарычал и бросился вперёд, но Квинт увернулся, нанеся точный удар в бок и проворачивая меч, чтобы усилить повреждения. Бородач рухнул на палубу, корчась от боли.

Луций, тем временем, метнул ещё один кувшин с маслом, который разорвался в толпе пиратов, охватив нескольких из них огнём. Крики ужаса и боли разнеслись над морем, но нападающие всё равно продолжали лезть на «Ариадну».

– Командир! – крикнул Луций, прячась за бочку. – Они лезут со всех сторон!

– Прекрати паниковать! – рявкнул Квинт, выбивая из рук одного из пиратов меч и подсекая его ногой под колено, – Не давай им ступить на палубу!

В этот момент на «Ариадну» прыгнул, по-видимому, капитан пиратов. Высокий, широкоплечий, с ярко-синей повязкой на шее и мечом, на вид неподъёмным для обычного человека. Его голос, хриплый и властный, заглушил шум битвы:

– Ваш выбор, трусы! Сдаться и остаться в живых или умереть, как собаки!

– Тебя распнут на кресте, подонок! – Квинт вышел вперёд, – Если не сдашься сейчас.

Пираты замерли, а капитан медленно двинулся к Квинту – уверенно, словно знал, что исход битвы предreshён. Его меч с тихим свистом разрезал воздух, заставляя матросов «Ариадны» отступить. Лица пиратов исказились в хищных ухмылках – они явно верили, что их предводитель справится с любым противником.

Квинт крепче сжал рукоять гладия, стараясь сосредоточиться. Он уже видел таких противников: слишком самоуверенных, привыкших брать верх, надеясь на грубую силу. Но большое дерево громко падает, как любил говорить его первый опцион.

– А ты, видать, легионер, – протянул пиратский капитан с усмешкой. – Я видел, как вы сражаетесь. Без щитов справа и слева вы теряетесь и бежите, как поганые крысы.

Квинт не ответил, сделав шаг влево, чтобы оказаться на солнце и заставить капитана щуриться. Тот сразу среагировал, резко рванув вперёд и ударив сверху. Квинт успел отклониться, но меч капитана с лёгкостью расколол бочонок, который стоял за его спиной.

– Сдавайся, легионер! – рявкнул капитан, размахивая мечом. – И, возможно, я оставлю тебя в живых, чтобы продать в рабство! Ты станешь неплохой покупкой для какого-нибудь ланисты²² в захолустье.

– Хотя знаешь? – Квинт усмехнулся, словно не услышав пирата, – думаю, что крест для тебя – это слишком быстрая смерть. Ты сгниёшь на рудниках, падаль.

²² Ланиста – владелец и тренер гладиаторской школы, отвечавший за подготовку гладиаторов к боям на аренах Древнего Рима.

Его ответ вызвал гул одобрения среди матросов, а Квинт, пользуясь моментом, атаковал: его гладий слегка задел руку капитана, оставив глубокий порез.

Тот зашипел от боли, но не отступил. Его ответный удар оказался настолько силён, что щит из крышки разлетелся в щепки, а рука Квинта онемела и повисла бесполезной плетью. Центурион успел вовремя перекатиться, чтобы избежать следующего удара.

Квинт поднялся на ноги, быстро окинув взглядом палубу. Луций тем временем симпровизировал пращу из куска верёвки, и ловко осыпал нападающих градом снарядов из металлических пряжек, обнаруженных в одном из сундуков с товарами. Серьёзного урона, в отличие от свинцовых шариков, которыми обычно пользовались легионеры, они нанести не могли, но одна из пряжек, пущенная неумелой рукой, едва не выбила глаз бородачу, заставив его на секунду отвлечься от Квинта.

Центурион воспользовался моментом, бросившись вперёд, его гладий врезался в клинок капитана с резким звоном. Пират зарычал и вновь размахнулся, стремясь покончить с Квинтом одним ударом, но тот уже просчитал его движения. Он увернулся, нырнув в сторону, и, молниеносно развернувшись, нанёс резкий удар по ноге капитана. Лезвие рассекло ткань штанов и кожу, оставив глубокую рану. Пират пошатнулся, но удержался на ногах.

– Ты упрям, как осёл, – прохрипел капитан, сгибаясь от боли, но не падая.

– А ты дерёшься, как пьяная шлюха, – ответил Квинт, делая ещё один выпад.

Тем временем Луций, изловчившись, метнул ещё одну пряжку, которая едва не ударила Квинта в висок. Легионер резко уклонился, и пряжка с глухим звуком ударилась о деревянную мачту позади него.

– Луций! – рявкнул он, не отворачиваясь от капитана. – Я вообще-то на твоей стороне!

– Прости, командир! – крикнул Луций, снова заряжая импровизированную пращу. – Просто ты такой большой, что трудно промахнуться!

Тяжело вздохнув, центурион переключил внимание обратно на капитана. Каждое движение Квинта было чётко выверено, все удары были направлены на то, чтобы измотать противника. Капитан, лишённый преимущества силы, начал отступать, и на его лице появилось выражение растерянности.

– Я тебя... уничтожу... – выдавил он сквозь зубы, готовясь к последнему броску.

Но Квинт был быстрее. Его гладий сверкнул в солнечном свете, и, прежде чем капитан успел сделать свой ход, удар достиг цели. Меч пиратского предводителя с глухим стуком упал на палубу, а сам он, охнув, рухнул на колени.

– На рудники не получилось, – холодно сказал Квинт, – А жаль. Ты не заслужил быстрой смерти. Сбросьте его за борт! – рявкнул он, обращаясь к матросам. Те кинулись исполнять приказ, и тело капитана с плеском исчезло в морской пучине.

Паника среди пиратов распространилась, словно лесной пожар. Один из них, бросив оружие, первым сиганул обратно на своё судно. Другие, вдохновлённые его примером, тоже начали прыгать, оставляя тела своих менее удачливых товарищей на палубе «Ариадны»

– За ними! – крикнул один из матросов, но Квинт поднял руку, останавливая их.

– Отставить! Пусть бегут. Не стоит нам терять ещё больше людей.

Матрос кивнул и поспешно схватился за топор, обрубая канаты, соединяющие оба судна. Остальные бросились помогать товарищу, и вскоре повреждённое пиратское судно осталось позади.

Никандр, по-прежнему у штурвала, наконец расслабил плечи и выдохнул.

– Ну и денёк... – пробормотал он, обводя взглядом разбитую палубу.

Луций, тяжело дыша, присел на ящик и откинул голову назад, глядя на небо.

– Это... было... что-то, – проговорил он, сквозь улыбку делая глоток из фляги с водой.

Квинт, убирая гладий в ножны, подошёл к Никандру.

– Мы смогли выстоять. Но корабль сильно повреждён. Нам нужно зайти в ближайший порт.

Никандр кивнул – его взгляд был серьёзен.

– Брундизий. Держим курс туда. Там мы сможем починить снасти и подготовиться к оставшемуся пути.

Глава IV

Солнце уже склонялось к горизонту, когда «Ариадна», наконец, вошла в порт Брундизий. Город встретил их оживлённой суетой: повозки с товарами гремели по мостовой, крикливые торговцы заманивали покупателей, а где-то вдали слышалась песня моряков, поднимающих якорь.

Квинт стоял у борта, пристально вглядываясь в шумный порт.

– Город, как город, – протянул Луций, вяло опираясь на перила. – Ничего особенного.

– У каждого города своя история, – ответил Квинт, не оборачиваясь. – Брундизий был воротами в восточные провинции ещё до того, как Рим стал империей. Говорят, его основал Диомед, соратник Одиссея. Знаешь, почему он так называется? Посмотри на бухту – разве не напоминает олени рога?

Луций прищурился, разглядывая изгибы береговой линии.

– Хм, теперь, когда ты сказал, вроде бы похоже.

Квинт кивнул.

– Этот город видел многое: войну, мир, торговлю. Ганнибалу в своё время тут здорово досталось. Кстати, именно тут Принцепс с предателем Марком Антонием заключили мир.

– Погоди, а разве Август в итоге не разбил Антония? Ты вроде даже участвовал в этой битве?

– В битве при Акциуме, да, – тихо ответил Квинт. – Но это было уже после.

– *Слушай, Сабин. Когда-нибудь и мы вернёмся в Рим. Получим наделы, заведём семьи. Ты где хочешь поселиться?*

На горизонте небо сливается с волнами барханов, и даже само время, казалось, застывает в этой стране мертвецов.

– Где угодно, только не здесь. Мне бы речку, шум оливковых деревьев...

– Ага, и курятник, – громкий смех эхом разносится по пустыне. – Ты ещё скажи, что будешь разводить коз!

– Почему нет? Только вот сомневаюсь, что мы до этого момента доживём. Да и вообще, ты правда думаешь, что Рим не забудет о своих верных солдатах?

– А мы ему напомним!

Луций, нахмурившись, посмотрел на колонну, возвышающуюся неподалёку.

– А это что?

– Конец Аппиевой дороги, – указал Квинт. – Эта колонна видела больше римских легионов, чем портовая девка – матросских причиндалов.

– Да ты поэт, командир, – хмыкнул парень, – Куда там Вергилию.

– Ты где про Вергилия-то нахватался, дурень?

– Говорю тебе, у меня душа патриция, даже не сомневайся. Меня, наверное, просто в детстве потеряли.

Квинт усмехнулся, слегка качнув головой.

– Если ты – потерянный патриций, то я тогда сам Юпитер Громовержец.

– Не-не, ты явно Марс. Глянь, как с мечом управляешься, – Луций нарочно сделал вид, будто всерьёз задумался. – Хотя нет, наверное, всё же Янус. Точно, двуликий Янус! С одной стороны – лицо сурового командир, а с другой... за... затылок поэта, во.

– Идиот, – коротко бросил Квинт, – Давай, патриций, шевели ногами. Если мы сейчас не найдём таверну, то тебе придётся померить свои патрицианские замашки и спать в ближайшей канаве.

– Тоже, кстати, не худший вариант. «Луций, благородный путешественник, чей дух патриция не смирился с жестокостью судьбы, провёл ночь под сенью великой Аппиевой дороги...»

– «... и был жестоко заколот двуликим Янусом, потому что не затыкался даже во сне». Иди уже, не беси меня.

Рынок Брундизия был шумным и оживлённым. Запах свежей рыбы перемешивался с ароматом специй и свежестью солёного ветра, рождая неповторимую симфонию. Толпа людей, снующая между лавками, напоминала разворошенный муравейник.

Квинт остановился у одного из прилавков, где продавали оружие. Небольшие кинжалы, ножи и даже короткие мечи были разложены на грубой ткани.

– Вот это тебе подойдёт, – сказал он, указывая на короткий нож с крепкой рукояткой.

Луций, стоявший рядом, внимательно рассматривал оружие.

– А разве не лучше вот этот? – спросил он, указывая на изящный клинок с замысловатым узором на клинке.

– Если хочешь резать мясо на обед, может, и лучше, – усмехнулся Квинт. – Но тебе нужен нож, который выдержит бой, а не званый ужин.

– Но почему ты думаешь, что... – Луций замер, когда кто-то хлопнул Квинта по плечу.

– Сабин! – раздался громкий голос.

Квинт обернулся и увидел перед собой высокого светловолосого мужчину в доспехах легионера.

– Гай Сульпиций Рулл? – удивлённо поднял брови Квинт. – Что ты здесь делаешь?

– Я что тут делаю! А ты что тут делаешь, старик? – Рулл рассмеялся, обнимая Квинта и похлопывая его по спине. – Я слышал ты решил уйти на покой и отправился в Рим.

Квинт усмехнулся, обнимая старого товарища в ответ.

– На покой, говоришь? – он покачал головой. – Если бы.

– Так я и думал, – Рулл отступил на шаг, окинув Квинта взглядом. – Вижу, выглядишь так, будто тебя снова отправляют в пекло.

– А ты, я смотрю, особо не изменился, – заметил Квинт, кивнув на доспехи. – Ты всё ещё при деле?

– Как видишь. – Гай хлопнул себя по нагруднику. – Хотя с таким положением дел в провинциях это скорее проклятие. Македония, например, совсем не радует.

– Македония? – Квинт нахмурился. – Я как раз туда направляюсь. Что там происходит?

Рулл присвистнул, покачав головой.

– Давай сядем. В двух словах не расскажешь.

Они нашли место в тени навеса небольшой таверны. Луций, следовавший за ними как хвост, ловко приземлился рядом, явно наслаждаясь неожиданным развлечением.

– Так что там в Македонии? – спросил Квинт, когда на столе появилась кружка и кувшин вина.

Рулл откинулся на скамью и вздохнул.

– Проблемы, Сабин. Большие проблемы.

Квинт нахмурился, налив вино в кружки.

– Какие именно проблемы?

Рулл поднял кружку и сделал долгий глоток, прежде чем ответить.

– Наместник, которого поставили в прошлом году, – полный болван. Тяжёлый налог на местных, конфискации имущества без особых причин. Люди едва сводят концы с концами. Это уже привело к бунтам в нескольких городах.

– Бунтам? – Квинт прищурился. – А легионы?

– Легионы заняты подавлением беспорядков, конечно, но ситуация всё равно выходит из-под контроля. – Рулл поставил кружку на стол. – А знаешь, что самое странное? Всё это выглядит так, будто кто-то нарочно расшатывает обстановку. Весьма изящно. И это не только в Македонии. Я слышал, в Галлии и на Востоке тоже неспокойно.

Луций, сидевший молча, наконец встрял в разговор.

– Расшатывает обстановку? А кому это выгодно?

Рулл покачал головой, его взгляд стал жёстким.

– В Риме всегда найдутся те, кто хочет ослабить власть Августа. Разумеется, чтобы потом самим прибрать всё к рукам.

Квинт медленно наклонился вперёд.

– И ты думаешь, ниточки от беспорядков тянутся в Рим?

Рулл задумчиво кивнул.

– Слишком много совпадений. Либо это очень сложная сеть интриг, либо просто чертовски неудачный год. Но знаешь, Сабин... я никогда не верил в случайности.

– И это ты называешь неудачным? – Квинт сделал приличный глоток из кружки. – А помнишь, как мы с тобой просидели добрых двое суток в сугробе под Велликой? Хотя потом чёртовы кантабры всё-таки получили по заслугам.

Рулл рассмеялся, откинувшись на скамью, и налил себе ещё вина.

– Веллика... Ещё б я забыл! Ты тогда чуть не отморозил себе всё, что можно, а мы чуть не погибли из-за того, что твой чудо-легат решил, что нападать в метель – это отличная идея. А помнишь, как мы потом ворвались в их лагерь? Этот кантабрийский вождь... Как же его звали?

– Лузий, – припомнил Квинт, улыбнувшись. – Лузий Вихрь. Он тогда размахивал своим топором, как мельничным крылом. Ты ему меч прямо под ребро пустил, да?

– А ты потом меня прикрывал, пока я этот меч вытаскивал – застрял, фуриева печень, ни туда, ни сюда. Вот это было время, Сабин. Тогда ещё казалось, что мы способны остановить самого Марса.

Квинт покачал головой, ставя кружку на стол.

– Тогда мы были моложе, Гай. Да и война тогда была... как бы сказать, прямее. Сейчас всё эти интриги, заговоры. Ты прав, случайностей не бывает, и это настораживает.

Рулл пристально посмотрел на старого товарища.

– Ты ведь не просто так отправился в Македонию, верно?

Квинт встретил его взгляд, не отводя глаз.

– Не просто так, ты прав. Но больше я ничего не могу сказать

Рулл коротко кивнул, уважая молчаливую стойкость Квинта.

– Знаешь, Сабин, если кто и сможет разобраться в этом клубке, то это ты. Главное, не подставляйся, как тогда в Македонии. Разные слухи ходили... В общем, я рад, что ты до сих пор жив.

Квинт слабо усмехнулся, потирая щёку.

– Надеюсь, Фортуна и в этот раз мне не изменит.

Луций сидел, с любопытством слушая разговор, однако надолго его не хватило.

Когда Рулл начал описывать какой-то особенно сложный тактический манёвр из старых времён, парень не выдержал. Его глаза, блуждавшие по таверне, наткнулись на уличного фокусника, который развлекал зрителей, жонглируя ножами.

Парень встал, потянулся и с беззаботной улыбкой обратился к товарищам:

– Ладно, командир, не буду вам мешать ностальгировать. Пойду... осмотрюсь. Может, что интересное найду.

– Луций, не влипни в неприятности, – коротко бросил Квинт, даже не отрываясь от разговора с Руллом.

– Я? В неприятности? Да ты меня плохо знаешь, командир, – отмахнулся парень, двинувшись к выходу. – Я – сама осторожность.

Квинт только покачал головой, а Рулл усмехнулся.

– Этот парень, похоже, настоящая ходячая неприятность. Кто он вообще такой? Твой родственник?

– Избавь меня Юпитер от таких родственников, – Квинт махнул рукой, – Так, попутчик, – и они снова погрузились в разговор.

Луций, оставив ветеранов за кружками и бесконечными байками, вышел на пыльную улицу Брундизия. Солнце уже скрылось за горизонтом, толпа в порту редела, но рынок ещё

бурлил жизнью: торговцы громко зазывали покупателей, пытаясь продать последние товары перед наступлением ночи.

Парень прошёл мимо лавки с тканями, прилавков с сушёными фруктами и специями, наконец, остановившись у той лавки, где они с Квинтом повстречали Рулла.

– Отличный нож для молодого господина! – выкрикнул торговец, заметив Луция. – Острее твоего языка, наверняка!

Луций приосанился, присматриваясь к товару.

– Да у тебя же здесь сплошная рухлядь, которой разве что хлеб резать.

Торговец улыбнулся, показав жёлтые зубы.

– Обижаешь! Вот это, – он протянул короткий, но явно прочный нож, – из лучшей стали. Возьмёшь – не пожалеешь.

Луций прикинул нож в руке, прислушиваясь к шуму вокруг. Его внимание привлёк обрывок разговора, доносящийся из-за прилавка с рыбой:

– ...там теперь каждый день стычки. Наместник гребёт, как последний варвар. Ходят слухи, что он не сам по себе, а кто-то из Рима ему спину прикрывает...

Парень слегка повернул голову, стараясь выглядеть безразличным. Двое мужчин, явно моряки, стояли, опершись на ящики, и оживлённо жестикулировали.

– Кто-то из Рима? – переспросил второй. – Это кто-то же?

– Да мне почём знать! Но говорят, что дело нечисто. Одно точно: в Галлии неспокойно, и будет только хуже. Так что я бы на твоём месте сворачивал там свои дела.

Луций нахмурился, задумчиво осматривая нож в руке.

«Гляди-ка, а этот старик не врал», – подумал он, задумчиво отсчитывая монеты одной рукой, а другой машинально прихватив с прилавка небольшой ножик вдобавок к уже купленному.

Луций вернулся в таверну уже за полночь. Внутри он заметил Квинта, сидящего за столом в дальнем углу. Рулла уже не было, и перед Квинтом стояла пустая кружка, а взгляд бывшего центуриона был устремлён куда-то в пустоту.

– Ну что, командир, уже устал от старых друзей? – усмехнулся Луций, присаживаясь напротив.

Квинт мельком взглянул на него, хмыкнул, но не ответил сразу. Несколько мгновений он словно взвешивал что-то внутри себя, прежде чем заговорить.

– Рулл хороший солдат, верный товарищ, но... мы с ним никогда по-настоящему не были близки. – Квинт покачал головой, устало улыбнувшись. – Знаешь, в легионе всё просто: приказы выполняются, товарищей не бросают, враги уничтожаются. А за его пределами...

– За его пределами, видимо, всё не так просто, – кивнул Луций, с интересом пододвигая к себе кувшин. – Ну, так расскажи. Ты вроде не особо любишь делиться, но раз уж заняться нам всё равно нечем...

Квинт налил себе ещё вина и поставил кружку на стол, вглядываясь в отблески света на поверхности вина.

– Видишь ли, Луций, я не всегда был... никем. Когда я был центурионом в Македонии, у меня был легион, честь, долг... И я верил, что делаю всё правильно. Пока не увидел, как всё разворачивается у меня на глазах.

– Разворачивается? – приподнял бровь Луций.

– Да. Деньги, которые должны были идти на снабжение, исчезали, словно их и не было. Вместо хороших мечей нам выдавали старьё, годное разве что ворон пугать. Пища, одежда – всё худшего качества. Сначала я думал, что это случайность. Потом начал задавать вопросы. И узнал, что за этим стоит трибун²³. Родственник Ливии.

²³ Трибун – офицерский чин в древнеримской армии и государственный должностной пост. В римской армии трибун командовал частью легиона (обычно когортой) и отвечал за тактическое руководство, дисциплину солдат и выполнение приказов высшего командования.

Луций присвистнул.

– Это та, которая жена Принцепса?

Квинт кивнул.

– Я доложил обо всём Сципиону, моему легату. Он, наверное, один из немногих людей, которым я действительно доверял. Но даже он ничего не смог сделать. Связи, знаешь ли, решают всё. Единственное, что удалось Сципиону, – это попытаться спасти меня.

– Спасти? – Луций подался вперёд.

– Да. Он списал меня со службы – естественно, без всяких привилегий ветерана. По сути, он дал мне возможность уйти живым. Если бы не это, я бы уже давно был мёртв.

Луций замолчал, уставившись на своего спутника.

– И как ты после этого... как ты, в общем?

Квинт развёл руками, – Как-то вот так. Пытаюсь найти смысл. И, возможно, что-то исправить.

Луций растянулся на твёрдом ложе в их маленькой комнате, сложив руки за головой. Тусклый свет луны пробивался сквозь щели в ставнях, рисуя на потолке бледные полосы. Он внимательно прислушивался к храпу Квинта, который явно был уже в мире, где не существовало ни предательств, ни интриг, ни несправедливых увольнений.

«Смысл... исправить...» – слова Квинта всё ещё эхом звучали в голове Луция. Он никогда особенно не задумывался о смысле. Выжить до следующего дня, урвать кусок хлеба, избежать очередной передряги – вот и вся философия. А вот Квинт, похоже, жил иначе. Даже сейчас, выброшенный на обочину, он всё равно пытался быть кем-то, что-то значить.

Луций вздохнул. «Может, он и прав. Может, стоит попытаться. Но это его путь, не мой. Я ведь не солдат...»

Парень закрыл глаза, но сон всё равно не шёл. За последние дни он видел слишком много, чтобы спокойно уснуть. «Чем всё это обернётся? И что мне с этим делать?»

Луций перевернулся на бок, обхватил себя руками и, наконец, провалился в беспокойный сон.

«Ариадна» стояла в доках, готовясь покинуть шумный Брундизий. Квинт и Луций поднялись на борт с первыми лучами солнца. Никандр, угрюмый капитан, уже был на палубе, отдавая указания матросам.

– Ну что, снова в путь? – Луций, глядя на водную гладь, натянуто улыбнулся, вспомнив свои страдания от морской болезни.

– Надеюсь, на этот раз мы доберёмся до конечного пункта без происшествий, – ответил Квинт, поднимаясь на палубу следом. Он обернулся к Никандру. – Как обстановка? Всё готово?

Капитан кивнул, не отвлекаясь от наблюдения за командой.

– Паруса крепкие, провизия пополнена. Но ветер... – он бросил взгляд на горизонт, нахмурившись. – Слишком спокойный. Нам придётся больше полагаться на вёсла.

– Главное, поскорее добраться, – заметил Квинт.

Никандр хмыкнул.

– Не сидится вам на месте.

Луций, прислонившись к борту, вдруг задумчиво спросил:

– Слушай, капитан, ты ведь всю жизнь в море? Чего тебе не хватает на суше?

Никандр обернулся, прищурившись.

– Море, пацан... Море – это призвание. Ветер, вода, свобода... а суша всегда душит.

Луций покачал головой, усмехнувшись:

– Вот уж не думал, что морские волки такие поэты. И давно ты в море?

Никандр усмехнулся, глядя на Луция.

– С детства плавал. Отец был моряком, дядя – рыбаком. Море в нашей крови.

Он облокотился на штурвал, взгляд его стал мягче.

– Знаешь, что мне больше всего нравится? Быть один на один с морем. Ветер в парусах, скрип дерева под ногами, и ты. Бросаешь вызов стихии, играешь с ней, пока она тебя испытывает. И если ты победишь – нет ничего слаще этого чувства.

Луций задумчиво посмотрел вдаль, где морская гладь сливалась с горизонтом.

– А что с новыми берегами? Людями в порту? Неужели они тебе не интересны?

Никандр усмехнулся, но в его глазах теплился огонёк.

– Конечно, интересны. Каждый порт – это новая жизнь, новые истории. Но знаешь, что самое приятное? Оставлять их позади. Уходить, когда хочешь, и возвращаться, когда суша позовёт.

Луций хмыкнул.

– Звучит, как неплохая жизнь.

– Может, и неплохая, – Никандр посмотрел на него с лёгкой усмешкой. – Но только если ты любишь море. А ты, похоже, его не любишь.

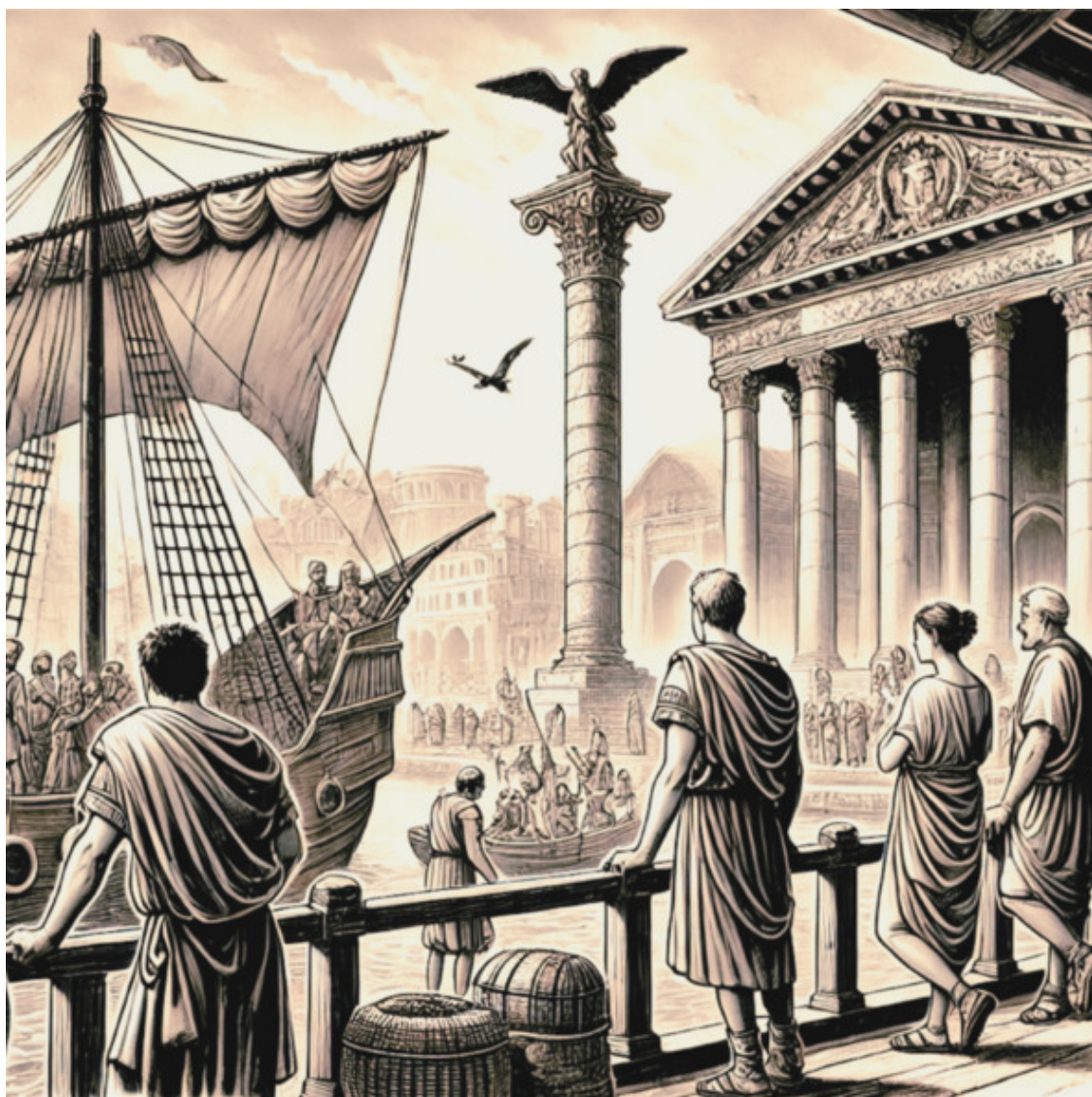
Как раз в этот момент корабль слегка качнуло, и лицо Луция тут же побледнело.

– Проклятье, – пробормотал он, схватившись за борт. – Думаю, мне всё-таки суша милее.

Никандр громко рассмеялся, хлопнув его по плечу.

– Ну вот и выяснили, что ты не моряк, пацан.

Квинт молча прислушивался к разговору, глядя на горизонт. Он уже мысленно готовился к следующему этапу пути – к прибытию в Македонию и тем опасностям, которые могли их там поджидать.

Глава V

Диррахий встретил их морозящим дождём, весьма необычным для июня. Узкие улочки города тянулись от гавани к возвышенностям, где сквозь пелену дождя едва виднелись крыши храмов и общественных зданий.

Квинт и Луций сошли на берег пожав на прощание руку Никандру.

– Удачи вам, моряки, – бросил капитан.

– И тебе не попасть на пиратов, – усмехнулся Квинт, но взгляд его был уже устремлён на город, который возвышался над морем, словно каменный гигант, прилёгший отдохнуть, да так и не очнувшийся от глубокого сна.

– Знаешь, что раньше этот город назывался Эпидамн? – спросил Квинт, поправляя ножны на поясе.

– Звучит как проклятие, – ответил Луций, рассматривая местных жителей.

Легионер усмехнулся.

– Именно. Вот и римляне решили, что это плохое предзнаменование. Переименовали его в Диррахий – из-за двух горных хребтов, видишь?

Парень покрутил головой, оценивая ландшафт.

– А ещё здесь какое-то время жил Цицерон, когда его изгнали из Рима, – продолжил Квинт. – И тут Помпей Великий сражался с Юлием Цезарем.

– Интересное местечко.

– Ещё какое. Принцепс сделал Диррахий колонией для ветеранов, служивших под его началом. Большинство из них участвовали в битве при Акциуме.

Квинт остановился на мгновение, оглядывая город. Его взгляд задержался на домах с ухоженными дворами. Ветеранская колония. Когда-то он мечтал о таком месте. Дом, кусок земли, где можно было бы выращивать виноград или оливы. Спокойная жизнь после всех сражений, которые он пережил.

– Так ты же тоже в ней участвовал, нет? – спросил Луций, подняв бровь.

Квинт медленно кивнул, словно отвечая самому себе.

– Да. И я мог бы осесть в таком месте. Отслужить двадцать пять лет, получить землю, спокойно состариться. Но... – он замолчал, пожав плечами. – Такова жизнь.

– Ну, знаешь, – Луций постучал пальцем по подбородку. – Как по мне, тебе ещё рановато на покой.

Квинт усмехнулся, но в его глазах блеснула тень сожаления.

– Возможно, ты прав. Но, согласишься, неплохо жить, не оглядываясь через плечо. Без необходимости быть готовым к битве каждую минуту.

Луций пожал плечами.

– Ну, кто знает, чем дело кончится, командир. Может, судьба всё же подготовила для тебя какой-нибудь спокойный конец.

– Ладно, – Квинт тряхнул головой, отгоняя назойливые мысли. – Давай, идём. Нам ещё путь не близкий.

Дорога от Диррахия тянулась вдоль зелёных холмов, и уходила к подножию гор, змеясь вдоль острых скальных выступов. Её мощёная поверхность, сложенная из тщательно подогнанных каменных плит, была настоящим чудом римской инженерии.

– Смотри, – Квинт присел и провёл ладонью по гладкой каменной поверхности, – это не просто дорога. Это, считай, кости империи.

– Камни как камни, – пожал плечами парень, оглядывая мощёный путь. – Что в них особенного?

– А ведь с виду ты, казалось, не дурак, – усмехнулся Квинт. – Мы строим дороги так, чтобы они выдержали что угодно. Под этими плитами – несколько слоёв: сначала крупные камни, потом щебень, залитый известковым раствором. И уже потом – вот это, – он постучал по камню. – Это не просто какая-то там дорога. По ней идут армии, мчится конница, перевозят зерно и вино. Эти дороги соединяют города, провинции и весь наш мир.

Луций задумался, ковыряя щель между булыжниками.

– Так вот почему Рим такой могущественный? – пробормотал он. – Из-за дорог?

– В том числе, – Квинт кивнул, поднимаясь на ноги. – Рим – это не только легионы. Это дороги, которые связывают всё. И куда бы ты ни пошёл, всегда знаешь, что вернёшься домой.

Луций хмыкнул, посмотрев в спину Квинта.

– А если ты идёшь не в ту сторону? – пробормотал он, следуя за спутником.

Моросящий дождь давно утих, но погода оставалась неприветливой. Луций пытался поддерживать разговор, но Квинт отвечал односложно, сосредоточенно высматривая что-то вдаль.

Когда день начал клониться к закату, они наткнулись на небольшое поселение. Эта колония ветеранов, как и многие другие, была построена по привычным римским канонам. Чёткая планировка каструма²⁴: две пересекающиеся главные улицы – кардо и декуманус²⁵, простые домики, аккуратно выстроенные вдоль них, и небольшой форум в центре. Поселение обнесли земляным валом, который когда-то, вероятно, служил внушительным оборонительным сооружением. Теперь же он выглядел скорее символом, чем реальной защитой.

Старые колья, некогда остро заточенные и грозно торчавшие из вала, местами сгнили или покосились. Их явно не меняли годами, и непохоже, что починка вообще была в планах. Ворота, которые должны были охранять вход, стояли открытыми. Часовые, впрочем, несли службу – хотя, честно говоря, не слишком внимательно. Старые привычки легионеров было не искоренить даже спустя годы после окончания службы. Ветераны, некоторые из которых разменяли уже пятый десяток, иногда любили побродить вдоль вала с копьём или мечом, разглядывая звёзды и вспоминая молодость. Но их смены были скорее дежурной формальностью, чем настоящим бдительным дозором.

На территории колонии жизнь шла своим чередом. Горожане, в большинстве своём солидные мужчины с седыми висками, занимались хозяйством, обучали сыновей военному делу или просто коротали дни за вином и воспоминаниями. Женщины возились с огородами и детьми, изредка затевая громкие перепалки, нарушавшие уединённый покой улиц.

Квинт, оглядывая поселение, в который раз подумал о том, что он сам мог бы оказаться среди этих людей. Купить несколько рабов для возделывания земли, жить тихой жизнью. Но... но увы. А может парнишка и прав, и судьба ещё подкинет ему подарок.

– Неплохо устроились, – заметил Луций, оглядываясь. – Хотя даже мои знания о фотифи... о фотификации позволяют отметить, что тут явно ей пренебрегают.

²⁴ Каструм – укреплённый военный лагерь в Древнем Риме, использовавшийся для размещения легионов во время походов или в качестве постоянного гарнизона в провинциях. Они отличались строгой планировкой и строились по единому стандарту, обеспечивая удобство для войск и защиту от врагов.

²⁵ Кардо – в римской городской планировке одна из двух главных улиц, проходившая с севера на юг и пересекающаяся под прямым углом с декуманусом, который шёл с востока на запад. Кардо была центральной осью города или военного лагеря, вокруг которой располагались важные здания и общественные пространства.

– Фортификации, – ответил Квинт, задумчиво барабня пальцами по рукоятке гладия. – Но если кто-то решит атаковать, то, уверен, ветераны всё равно покажут, что такое римская дисциплина.

– Да, если проснуться успеют, – усмехнулся Луций, бросив взгляд на часового у ворот, который явно клевал носом.

– Здесь остановимся, – сказал Квинт, заметив группу мужчин в простых туниках, сидящих на длинной скамье перед таверной. Некоторые из них бросили на прибывших настороженные взгляды, но быстро вернулись к своим разговорам.

Один из них, пожилой мужчина с густыми седыми волосами, поднялся, когда Квинт и Луций подошли ближе. – Что привело вас сюда?

– Мы идём в форт Скамписа, – коротко ответил Квинт. – Но, видимо, сегодня мы туда уже не доберёмся.

– Да, до форта далековато. К полудню будете там, если выйдете рано утром, – заметил ветеран. – Оставайтесь. Местечко в амбаре найдём, и ужином накормим. Не бесплатно, конечно.

– Договоримся, – Квинт кивнул, бросив на Луция взгляд, который ясно говорил: «Не вздумай ничего стащить».

Они присели за длинный стол, вытянув усталые ноги. Сперва местные не были настроены на беседу с незнакомцами, но оттаяли, узнав, что Квинт служил в Македонии (он тактично обошёл вопрос своего нынешнего статуса, пнув Луция ногой под столом, когда тот стал слишком много болтать). Ветераны рассказывали о своих землях, жаловались на беспокойную обстановку и периодические нападения, случавшиеся, по счастью, далеко от их поселения.

– Говорят, на той неделе напали на сборщика налогов, – заметил один из стариков, потягивая кружку пива. – Скорее всего, местные разбойники. Паскуды прячутся в горах и исчезают, как будто их Меркурий прикрывает. В наше время такого не было... Как бы не пришлось опять за мечи браться, мать их! А я-то рассчитывал на спокойную старость, фурии их побери.

– Так, а что гарнизон в Скамписе? – спросил Квинт, напрягшись.

– Говорю же, в наше время такого не было, – старик тяжело вздохнул. – Понабিরали Юпитер знает кого, стыдно смотреть на это убожество. Доспехи старые, маршируют как толпа актёришек по сцене, тьфу.

Луций, едва сдерживая усмешку, переглянулся с Квинтом, но тот лишь нахмурился и наклонился ближе к старику.

– И давно это началось? – спросил он, стараясь говорить спокойно.

– Да года два уже, как наместника сменили, – старик поморщился, словно вспоминал что-то неприятное. – Этот новый только и делает, что налогами душит. Земля тут не слишком плодородная, понимаешь? А он с местных последнюю шкуру спускает, и всё ему мало. Местные ропшут, и правильно ропшут. Они ж в конце концов, не дикие варвары какие-то,

а наследники Александра... Крови нашей немало выпили, тут сказать нечего, но всё ж таки какой-никакой цивилизованный народ.

– Ну и что же, по-твоему, будет дальше? – подал голос ещё один ветеран, сидящий напротив. – Дайте угадаю: тут одной искры хватит, и всё вспыхнет. А нам разгребай. Мечито, конечно, остались, но что старый солдат сделает против десятка разбойников? Сила уже не та...

– Да пусть приходят, и я покажу, та у меня сила или нет, – ворчливо вставил другой старик, подняв кружку. – Покажу им битву под Коринфом, а потом догоню и ещё раз покажу...

Квинт кивнул, но промолчал. Ветераны продолжали болтать о своих проблемах, а Луций тем временем заметно скучал, постукивая пальцами по краю стола и периодически бросая взгляды на двери таверны, словно искал способ улизнуть.

– А ты что думаешь? – неожиданно спросил старик, обращаясь к Квинту. – Ты вроде как солдат бывалый, тут у нас служил, в Риме, опять же, наверняка новости слышал. Куда всё это катится?

Квинт задумчиво посмотрел на собеседника и сдержанно ответил:

– Думаю, что мы ещё увидим немало плохого, прежде чем станет лучше.

– Да, сынок, ты прав, – старик тяжело вздохнул. – Только вопрос, доживём ли мы до этого «лучше».

Ночь была тёмной, облака полностью скрыли луну. Только мерцание тлеющих костров и пара фонарей на валу рассеивали мрак. Усталые ветераны уже успели забыться глубоким сном, а на валах дежурили часовые, облокотившиеся на свои копья.

Квинт не спал. Его инстинкты, натренированные годами службы, не давали заснуть и заставляли ворочаться на сене с боку на бок. Что-то было не так. Внезапно его слух уловил странный звук – то ли шорох, то ли негромкие голоса.

Легионер поднялся, не разбудив Луция, который храпел, свернувшись клубком на мешке с соломой. Быстро накинув доспехи, Квинт прихватил гладий и вышел во двор. Прохладный ночной воздух заставил поёжиться.

«Да что с тобой не так, – убеждал он сам себя, тихо ступая по траве, – ты не в лагере, тут мирное поселение, а ты мечешься, как перепуганная курица. Сделаешь кружок вдоль стен – глядишь, и сон придёт. Стареешь ты, Квинт, вот и всё».

Квинт медленно шагал вдоль кольев, отделяющих колонию от ночной тьмы. Его шаги были почти бесшумными, лишь иногда негромкий стук камня, вылетевшего из-под ноги, выдавал его присутствие. Как он ни старался себя успокоить, глубоко внутри центурион понимал, что инстинкты редко его подводят.

Его мысли прервал внезапный звук: тихий, едва уловимый треск ветки. Квинт замер, сжимая рукоять гладия. Шум раздался снова, на этот раз ближе. Он поднял голову, вглядываясь в темноту.

– Тревога! – раздался крик с валов. Квинт бросился к месту, откуда доносился шум.

Ветераны просыпались быстро: кто-то уже выбежал из домов с мечами, топорами и щитами, кто-то подтягивал ремни доспехов на бегу. Один из стариков ворчал, что не может найти свой шлем, а другой подгонял своего товарища, лениво плетущегося с копьём.

– Все к валу! – рявкнул Квинт, поднимаясь по склону. – Берите пилумы, камни, всё, что под руку попадётся! Их нужно остановить до того, как они прорвутся внутрь!

Часовые на валу уже отчаянно пытались отбиться от разбойников, которые лезли наверх, стремясь добраться до выдавшего виды забора из кольев. Квинт быстро оценил ситуацию.

– Их слишком много, – пробормотал он себе под нос. Свет факелов выхватывал из темноты десятки силуэтов. Разбойники действовали слаженно, их крики и удары по кольям сотрясали ночной воздух.

– Давай! – крикнул Квинт, указывая на разбойников.

Пилумы полетели вниз. Острия пробивали землю, одежду и плоть нападавших. Камни и обломки дерева, собранные в спешке, полетели следом, выбивая у нападавших оружие. Но натиск был слишком мощным. Враги продолжали лезть вверх, используя своих павших товарищей как живую лестницу.

Вскоре колья на валу начали потихоньку расшатываться, и уже было видно первую брешь.

– Они прорываются! – крикнул один из ветеранов, ловко просовывая гладий в образовавшуюся щель, пытаясь достать смельчака, который первым решил полезть в пролом.

Квинт мгновенно сориентировался:

– Всем ко мне! В строй! Встретим их, как полагается римским солдатам!

Ветераны, отточенными за годы службы движениями, без паники и лишних слов сгруппировались, быстро выстроившись во дворе в боевой порядок. Их щиты поднялись, гладиусы были готовы к бою. Разбойники, ворвавшись внутрь, наткнулись на живую стену.

– Держать строй! – крикнул Квинт, вставая в первую линию, – Сомкнуть щиты! Покажем этим сукиным детям, из чего мы сделаны!

Разбойники, не ожидавшие такого сопротивления, на мгновение растерялись. Но численное превосходство было на их стороне, и они продолжили напор. Щиты глухо звенели под ударами мечей, слышались крики раненых.

– Стоять! Не ломать строй, старые псы! – рявкнул Квинт, отбивая щитом очередной удар разбойника и делая выпад мечом снизу.

– Стоять! Держать строй, долбаные идиоты! – клинок мелькает в полумраке, ловя отблески лунного луча. Удар. Ещё удар. Кровь приливает к голове, страх уходит, уступая место ярости. Иберийские сосны шумят над головой, сыпя иголками, словно стимфалийские хищные птицы.

– Марк! – товарищ стонет, схватившись за плечо. Кровь льётся из раны, как вино из треснувшего кувшина.

– Марк, чёртов идиот, чтоб тебя фурии забрали, вставай! ...Тяжесть давит невыносимо, ноги наливаются свинцом, но нужно дойти. Донести товарища в безопасность, чего бы это ни стоило. Щит в одной руке, Марк – на другой.

– Брось его, он не жилец! Держать строй! Отступаем! – назойливый голос за спиной. Отмахнуться, как от мухи, и продолжать шагать.

Враг перед ним оступился, и Квинт воспользовался этим, рубанув по животу, прикрывшему лишь тонкой тканью.

Разбойники пытались смять линию, но ветераны стояли насмерть. Один из нападавших в прыжке попытался сбить щит старика, но тот отступил на шаг, ударив ободом в грудь нападавшего – и тут же полоснул гладием, оставив на горле врага багровый след.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.